

**БЫЛИ ЛИ МАЛУРУССЫ ИСКОННЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ПОЛЯНСКОЙ ЗЕМЛИ,
ИЛИ ПРИШЛИ ИЗЪ-ЗА КАРПАТЪ ВЪ XIV ВѢКѢ?**

«Si liceat historiam pro sua cuique
cupiditate detorquere — quid in-
tactum manebit et integrum?»

Копитар—Hesychii discipulus.

Эти слова покойнаго Копитара, несмотря на всю суетность ихъ по отношенію къ автору, имѣютъ полное оправданіе и въ нашей современной исторической наукѣ: стѣдить только вспомнить, какъ г. Соловьевъ, положивъ въ основу своей исторической системы идею о государственномъ нарядѣ, засудилъ все козачество, видя въ немъ только броженіе противугосударственнаго элемента; какъ г. Погодинъ, въ древней русской исторіи норманнскаго періода, искалъ оправданія и поддержки своимъ политическимъ идеямъ, навѣяннымъ событіями послѣдней войны, и, по этому поводу, создалъ теорію, по которой истинною *столицею русской исторіи*, въ первыя 200 лѣтъ по основаніи государства, является *Константинополь*; о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ и историковъ—и говорить нечего: они хорошо извѣстны читателямъ «Основы»... Но добро бы политическія и религіозныя убѣжденія, всегда имѣющія живой страстный характеръ, добро бы они одни приводили историковъ къ неумышленному искаженію истины; нѣтъ: —наклонность вымучивать у исторіи желанныя отвѣты встрѣчается часто тамъ, гдѣ нѣтъ ни пристрастія, ни антипатіи,—въ такихъ мирныхъ уголкахъ науки, какъ напр. вопросъ о древнемъ отечествѣ южнорусскаго племени. Только увлеченіемъ собственною мыслию историка можно объяснить такое явленіе; но излишняя любовь къ собственной мысли, какъ она ни дорога у историка, для исторической истины вещь не безопасная, такъ—какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ ея бываетъ ложное пониманіе дѣла. Это, дѣйствительно, мы и находимъ въ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ Малоруссовъ.

Общее мнѣніе объ этомъ предметѣ таково, что малоруссы суть исконные—мы разумѣемъ это слово въ чисто-историческомъ его значеніи—обитатели днѣпровскаго бассейна; но существуетъ и иное мнѣніе, по которому они являются довольно поздними колонистами этого края. Никто ясенѣ и рѣзче г. Погодина не выразилъ этого мнѣнія; мы и обратимся только къ нему одному и разберемъ подробно его историческія доказательства.

Въ своей «запискѣ о русскомъ языкѣ» помѣщенной въ «извѣстіяхъ Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности» г. Погодинъ, путемъ чистыхъ логическихъ заключеній, пришелъ къ выводамъ, совершенно новымъ въ исторической наукѣ;—вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1-ое. Наши южныя лѣтописи писаны на такъ-называемомъ языкѣ церковно-славянскомъ и, такъ-какъ они не заключаютъ въ себѣ ничего непонятнаго для русскаго, то должно признать, что *церковно-славянскій и русскій языки въ-сущности одинъ и тотъ же языкъ*.

2-ое. Въ языкѣ южныхъ нашихъ лѣтописей нигдѣ не видно присутствія малорусскаго элемента: если бы онъ былъ, то многое въ нихъ было бы непонятно великоруссу, потому что не могли лѣтописцы писать совершенно чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ: они, хоть ненарокомъ, должны были обмолвиться и сдѣлать уступки въ пользу роднаго нарѣчія; такихъ уступокъ нигдѣ не замѣтно въ лѣтописяхъ: въ нихъ все не только понятно великоруссу, но и принадлежитъ ему, какъ его кровная собственность; потому должно признать, *что южныя лѣтописи* (а равно и другія произведенія южно-русской письменности до татарскаго періода) *писаны великоруссами*.

3-е. Изъ предыдущихъ положеній уже нѣкоторымъ образомъ слѣдуетъ, что и *обитателями южной Руси въ кievскій періодъ—должны были быть великоруссы*... Это находитъ рѣшительное подтвержденіе а) въ тѣхъ характерахъ (типахъ), какіе намъ рисуютъ лѣтописи и другіе памятники письменности той эпохи: всѣ эти характеры не имѣютъ въ себѣ ничего малорусскаго, а—напротивъ все—великорусское; б) въ полномъ отсутствіи у малоруссовъ кievскаго богатырскаго эпоса и поэтическихъ преданій о кн. Владимірѣ—красномъ солнышкѣ: и то и другое есть *исключительное* достояніе великоруссовъ.

4-ое. Если великоруссы были древнѣйшими обитателями полян-

ской земли, то гдѣ же были въ то время малоруссы, откуда, когда и по какому поводу пришли они въ нынѣшнее свое отечество? *Татарскій погромъ оттолкнулъ великоруссовъ съ юга на сѣверъ; пустыя и брошенныя ими земли, по прекращеніи татарскихъ ужасовъ—были заняты малоруссами, которые выселились туда изъ-за Карпатъ—своей прародины. Случилось это въ XIV вѣкѣ.* Положеніе это находитъ оправданіе и въ языкѣ памятниковъ письменности, гдѣ *только съ XIV вѣка* появляются, по мнѣнію г. Срезневскаго, а за нимъ и г. Лавровскаго, настоящіе признаки малорусскаго языка, до того времени нигдѣ и ничѣмъ себя не обнаружившіе.

Вотъ главныя положенія г. Погодина. Въ настоящую минуту мы не имѣемъ подъ руками его «Записки», а потому и не могли придерживаться его собственныхъ словъ; мы изложили только его мысли и, кажется, не опустили ничего существеннаго, не исказили ихъ лишнею прибавкою чего-либо посторонняго.

Вся система имѣетъ видъ стройной логической постройки—и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія, но, къ-счастью или сожальнію, для исторической истины недостаточно однихъ логическихъ оснований: нужны достовѣрныя данныя и правильное ихъ пониманіе. Съ этой стороны мы и хотимъ взглянуть на систему г. Погодина. О логической построекѣ собственно и говорить нечего:—если въ основаніи лежитъ ложная мысль, то, само-собою разумѣется, и дальнѣйшія послышки и заключеніе—также будутъ ложныя.

На первомъ пунктѣ—о тождествѣ церковно-славянскаго языка съ русскимъ—мы не остановимся долго: есть вопросы въ наукѣ, которые рѣшаются однажды навсегда; послѣдующіе успѣхи въ наукѣ, каковы бы они ни были—могутъ расширить это рѣшеніе, уяснить его частностями и подробностями, но не измѣнить его въ основѣ;—потому, порѣшивъ разъ, уже никто болѣе не возвращается къ такимъ вопросамъ. Таковъ, по нашему понятію, и вопросъ объ этнографическомъ, если можно такъ выразиться, различіи языка церковно-славянскаго отъ русскаго. Въ славянской лингвистикѣ—это давно признанный фактъ, стоящій внѣ всякихъ сомнѣній; но если не важно опроверженіе основной мысли г. Погодина, то въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важна причина этой мысли,—то, почему онъ пришелъ къ ней... Не на строгомъ сравнительно-историческомъ разборѣ звуковъ и грамматическихъ формъ обоихъ языковъ—основалъ онъ

свое мнѣніе, а на простомъ явленіи, что въ южныхъ лѣтописяхъ нашихъ, писанныхъ, по его мнѣнію, на языкѣ церковно-славянскомъ — нѣтъ ничего непонятнаго для русскаго. Очевидно, что здѣсь опущена изъ виду древнѣйшая близость всѣхъ славянскихъ нарѣчій вообще, и еще большая близость юго-восточной вѣтви этихъ нарѣчій: и въ древнѣйшихъ юго-славянскихъ рукописяхъ глагольскаго и кирилловскаго изводовъ также нѣтъ ничего особенно непонятнаго для русскаго (а тѣмъ болѣе для русскаго *ученаго*, знакомаго съ древнимъ языкомъ *ex ipso fonte*), но кто скажетъ, что всѣ эти памятники писаны на языкѣ русскомъ? Отсюда видно, что не только мысль г. Погодина, но прежде всего самое ея *основаніе* несправедливо и несостоятельно въ ученomъ отношеніи, потому что *совершенно оставлена безъ вниманія историческая сторона вопроса*. Тотъ же роковой недостатокъ находимъ мы и во *второмъ* положеніи г. Погодина. Говоря о томъ, что въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ до XIV в. присутствія малорусскаго элемента, онъ отправляется отъ современнаго южнорусскаго языка, какъ будто эта позднѣйшая форма южнорусской рѣчи есть та идеальная мѣра, по которой можно мѣрять все историческое развитіе языка! Это все равно, если бы кто сказалъ, что въ языкѣ новгородскихъ лѣтописей не видно присутствія русскаго элемента, потому что современный русскій языкъ далеко не похожъ на лѣтописный новгородскій!—Потому и попытка г. Погодина доказать это положеніе выборкой словъ и выраженій изъ лѣтописей не имѣла успѣха: «Филологическія Письма» г. Макеимовича ясно показали, что эти выраженія на столько же русскія, на сколько и малороссійскія, а вслѣдъ затѣмъ и г. Лавровскій прямо объявилъ, что со стороны лексической этотъ вопросъ и рѣшать нельзя. Значитъ, и въ этомъ случаѣ—г. Погодинъ примѣнялъ современное къ старинѣ и тѣмъ отступилъ отъ основнаго закона историческаго изслѣдованія, запрещающаго мѣрять старину аршиномъ новѣйшаго издѣлья. Такъ, какъ г. Погодинъ не входитъ въ сравнительно историческій разборъ звуковъ и грамматическихъ формъ южнорусскаго языка, то и мы оставимъ, до поры до времени, вопросъ о присутствіи малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в. Вопросъ этотъ требуетъ особой ученой осторожности—и можетъ быть рѣшенъ только послѣ тщательнаго изслѣдованія памятниковъ древней южнорусской письменности (*). Вотъ

(*) Мы скрѣпляемъ наше мнѣніе судомъ такого знатока этого дѣла, какъ О. М. Бодянский. См. его примѣч. къ сочин. Лавровскаго: «Описаніе семи рукописей...»

почему и изслѣдованія г. Лавровскаго. (Журн. М. Н. Пр. 1859 и «Основа» 1861 июль) предпринятые въ томъ же духѣ отрицанія малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в.—не могли убѣдить насъ; но какъ бы то ни было, допустивъ даже, что малорусскаго элемента дѣйствительно не видно въ южнорусской письменности до татарскаго періода—даетъ ли намъ это одно поводъ и право утверждать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что и малорусское племя пришло въ полянскую землю изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома?—Мы думаемъ—никоимъ образомъ!

Посмотримъ сперва на его *третье* положеніе: «великоруссы являются коренными обитателями полянской земли, потому что лѣтописные характеры—всѣ чисто великорусскіе.» Здѣсь опять у г. Погодина виденъ *не-историческій* пріемъ: задавать старинѣ вопросы и требованія, почерпнутыя изъ современности. Характеръ народа не есть ничто неподвижное, однажды навсегда данное или прирожденное: онъ есть результатъ многихъ историческихъ и природныхъ условій, вообще всего прожитаго. Если бы характеръ народа былъ неподвиженъ и какъ бы предопредѣленъ, не могло бы существовать никакой разницы не только между великоруссомъ и малоруссомъ, но даже между нѣмцомъ и русскимъ, между французомъ и индусомъ, потому, что всѣ они принадлежать къ индоевропейскому племени и вышли изъ одного источника. Мы говоримъ о вещахъ слишкомъ рудиментарныхъ; но что же дѣлать, когда и безъ нихъ иногда нельзя обойтись...

Ничто такъ сильно не вліяетъ на измѣненіе народнаго характера, какъ историческія событія и въ-особенности *народныя* историческія событія, гдѣ народъ не былъ только послушнымъ орудіемъ иной посторонней силы, но дѣйствовалъ свободно и самостоятельно, весь предавался борьбѣ, вѣнчался торжествомъ ея или позоромъ. Когда съ этой точки мы взглянемъ на сравнительную исторію великорусскаго и южнорусскаго племени, мы не только объяснимъ современное различіе въ ихъ характерахъ, но и поймемъ—почему великорусскій характеръ можетъ—быть ближе къ лѣтописному, чѣмъ современный малорусскій.

Этой бурной, тревожной жизни, этой великой вѣковой борьбѣ за свободу родины, борьбѣ безысходной, на жизнь и смерть, среди которой совершались судьбы малорусскаго племени — что подобное находимъ мы у великоруссовъ? Никогда исторія у нихъ не принимала такихъ широкихъ размѣровъ, никогда она такимъ усиленнымъ шагомъ не снѣшила впередъ, какъ у малоруссовъ. Была и въ Вели-

кой—Россіи своя борьба, но борьба пассивная, борьба, въ которой человѣкъ скорѣе терялся, чѣмъ крѣпнулъ. Понятно, почему у нихъ не развилась та могучая своенравная энергія, тотъ гордый непреклонный духъ, яркіе слѣды которыхъ въ народномъ характерѣ малорусса не сокрушились еще и теперь — послѣ вѣковаго рабства. Великоруссы имѣли всѣ условія, чтобы сохранить старинный характеръ, малоруссы — напротивъ — всѣ условія, чтобы измѣниться и — въ новой школѣ исторіи — образовать новый самобытный характеръ. Исключительно государственный характеръ великорусской исторіи (съ XV в.) не могъ сообщить народу никакой дѣятельной инициативы и своєю мелкою привадаиностію къ наружному обряду и казуистикѣ всегда удерживалъ и смирялъ самобытное народное стремленіе впередъ.. Прибавимъ къ этому вліяніе пространственныхъ отношеній и, вообще, внѣшнихъ условий, предрасполагающихъ къ пассивности духа.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду существенной разницы въ этнологическихъ основахъ обоихъ народностей: на сѣверѣ и востокѣ — чуждскій элементъ ничего не внесъ въ великорусскую народность, никакого *своего*, новаго, оживляющаго начала: онъ видимо уступалъ предъ нею въ нравственной силѣ и потому долженъ былъ поступиться; въ пограничныхъ мѣстностяхъ образовалась временная переходная помясь, но въ сердцѣ великорусской народности не залегло ни одного основнаго, долговѣчнаго чуждскаго зерна.. Совершенно иное встрѣчаемъ у малоруссовъ: элементъ восточныхъ азіатскихъ кочевниковъ яркою полоскою проходитъ по исторіи и бытовой жизни козачества. Здѣсь онъ — уже не внѣшнее начало, но основная черта народности, черта столь же, по крайней мѣрѣ, сильная, сколь сильна и стихія славянская. Этнологія древнихъ и среднихъ вѣковъ убѣждаетъ насъ, что такое вліяніе двухъ различныхъ народностей — всегда производитъ *новую, самобытную* и энергическую народность.....

Искать въ такой далекой старинѣ, каково время до XIV вѣка, причинъ для отрицанія или оправданія современнаго малорусскаго народнаго характера, значить, по нашему крайнему убѣжденію, противорѣчить историко-этнологическимъ началамъ изслѣдованія, безъ которыхъ нельзя и браться за вопросъ *о народности и народномъ характерѣ*. Итакъ, если въ настоящее время различіе — въ народныхъ характерахъ великоруссовъ и малоруссовъ — разительно и очевидно для каждаго, — оно есть результатъ различія въ историческихъ и этнографическихъ судьбахъ того и другаго племени: не будь этого послѣдняго — не суще-

ствовало бы и перваго; вотъ-почему, въ-древности, до начала государственной централизаціи у великоруссовъ и народной исторіи у малоруссовъ—разность племенныхъ характеровъ почти незамѣтна; вотъ почему въ южныхъ лѣтописяхъ нельзя видѣть собственно ни малорусскихъ, ни исключительно-великорусскихъ современныхъ характеровъ. Только отбросивъ историко—этнологическую сторону вопроса, г. Погодинъ могъ видѣть въ южныхъ лѣтописяхъ исключительно великорусскіе типы—и потому правъ былъ г. Максимовичъ, когда возражалъ, что въ тѣхъ самихъ характерахъ, на которые указывалъ г. Погодинъ—онъ не видитъ ничего немалорусскаго! Оттого у г. Погодина и вопросъ о характерахъ поставленъ чрезвычайно глухо,—скорѣе какъ дѣло личнаго вкуса и чувства, чѣмъ какъ ученое основаніе...

Кореннымъ различіемъ двухъ народныхъ исторій объясняемъ мы и то обстоятельство, что кievскій эпосъ существуетъ исключительно у великоруссовъ (это второе доказательство г. Погодина) и совершенно не существуетъ у малоруссовъ. Мы не коснемся здѣсь вопроса о существованіи малорусскаго туземнаго (кievскаго) эпоса въ эпоху до образованія казачества, потому что намѣрены сказать объ этомъ подлѣ конецъ нашихъ замѣчаній; но не можемъ не замѣтить, что если историческія обстоятельства и условія благоприятствовали сохраненію эпоса въ Великой Руси, то тѣ же историческія условія сдѣлали существованіе и продолженіе стариннаго эпоса совершенно невозможнымъ для Южной-Руси. Дѣло въ томъ, что эпосъ, какъ плодъ органическаго совокупнаго развитія народа, для своего возникновенія и дальнѣйшей жизни нуждается въ извѣстныхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыхъ источникъ его перемѣняетъ свое направленіе, или окончательно изсякаетъ. Эти эпическія условія жизни главнымъ образомъ заключаются въ наивности и первичной простотѣ быта, воззрѣнія на людей и на природу. Какъ скоро въ жизнь вторгается новое начало и возмущаетъ спокойный, ровный, опредѣленный въковѣчнымъ преданіемъ ходъ ея,—наивность и простота народнаго быта и воззрѣнія пропадаютъ, человѣкъ со страстію и увлеченіемъ отдается настоящему съ его интересомъ; съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ или перерождается и старинный эпосъ: онъ болѣе не согрѣваетъ народа своей теплотой; на мѣсто его выступаютъ новыя литературныя формы, и по содержанію и по взгляду болѣе соотвѣтствующія текущему времени. Такимъ рѣшительнымъ переломомъ въ народной жизни—бываютъ историческія народныя событія. Теперь, когда припомнимъ, какъ слабо исторія коснулась ве-

ликорусскаго племени въ сравненіи съ южнорусскимъ, мы не удивимся, что старинный эпосъ могъ уцѣлѣть въ своей первобытной свѣжести на такихъ окраинахъ, какъ земли олонекія, Пермь, Сибирь, куда даже не доходила исторія.. У малоруссовъ—грозныя событія козацкой эпохи всколебали до дна народныя массы: народъ не былъ только зрителемъ, но и актеромъ кровавой драмы, актеромъ не поневолѣ, но по глубокому сочувствію общему дѣлу, по восторженному убѣжденію въ святости и правотѣ его. При такомъ общемъ воодушевленіи—не было недостатка въ истинномъ героизмѣ и высокихъ жертвахъ для мести за оскорбленную святыню родины... На эту новую, полную великой поэзіи, сторону исторической жизни обратилось народное поэтическое воодушевленіе: старые образы померкли, уступили мѣсто новымъ, современнымъ, для которыхъ создалась и новая поэтическая форма, извѣстная подъ именемъ *думы*.

Этимъ объясненіемъ мы, однако, еще не разрѣшаемъ вопроса: «почему именно *кіевскій* эпосъ сохранился у великоруссовъ.» При всей недостаточности и несовершенствѣ ученой разработки русско-народной поэзіи, мы не рискуемъ сдѣлать большую ошибку, если скажемъ, что для названія великорусскаго эпоса *кіевскимъ*—не существуетъ прочныхъ ученыхъ основаній: этнографія нашихъ былинъ, не смотря на то, что дѣйствіе происходитъ по большей части, «во стольномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя Володимира,» не можетъ быть названа южнорусскою! въ строгомъ смыслѣ; богатыри—почти всѣ не-кіевляне; народы, съ которыми приходится воевать имъ, чаще сосѣдники великоруссовъ, чѣмъ малоруссовъ. Этимъ обстоятельствамъ мы придаемъ значеніе на столько, на сколько нужно для подкрѣпленія нашего крайняго убѣжденія, что происхожденіе и образованіе нашего богатырскаго эпоса совершилось до племеннаго раздѣленія на велико-и мало-руссовъ; это эпосъ—русскій, но никакъ не исключительно великорусскій; корень его можетъ быть, дѣйствительно, возникъ на кіевской почвѣ—и тѣмъ самымъ *Кіевъ вошелъ въ великорусскій побѣтъ русскаго эпическаго дерева, какъ сказочная столица еще болѣе сказочнаго Владиміра—красна солнышка*. О немъ въ настоящее время и говорить нечего, такъ-какъ нѣтъ ни малѣйшей причины видѣть въ немъ историческаго Владиміра, и есть много причинъ принимать это лицо за позднѣйшую замѣну—древнѣйшей мифической личности Волотомана или Волота.

Разобравъ всѣ доказательства г. Погодина, мы возвратимся къ

вышеоставленному нами вопросу: если въ южныхъ нашихъ лѣтописяхъ до XIV в. и не видно присутствія малорусскаго элемента, — даетъ ли это намъ право утверждать, вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что нынѣшніе Южноруссы пришли въ землю Полянъ изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома? Послѣ всего нами сказаннаго, мы, конечно, не задумаемся отрицательнымъ отвѣтомъ; Малорусскіе элементы могли быть и не быть въ лѣтописяхъ; но южнорусское племя, непосредственные потомки котораго сохранились въ современныхъ намъ Малоруссахъ или Украинцахъ, составляло отъ древнѣйшихъ временъ и непосредственныхъ обитателей Днѣпровскаго и Бужскаго бассейновъ (*).

Мы покончили со мнѣніемъ г. Погодина, но не съ самимъ дѣломъ; нашъ разборъ до сей поры имѣлъ главнымъ образомъ—отрицательную цѣль; теперь взглянемъ на нѣкоторыя положительныя данныя, дающія нашему мнѣнію силу несомнѣннаго историческаго факта.

Не всякое историческое научное положеніе бываетъ основано на непосредственныхъ ясныхъ свидѣтельствахъ: многое принимается наукою только потому, что не существуетъ никакихъ противоположныхъ указаній; здѣсь историку предстоитъ или вовсе отказаться отъ всякаго сужденія, или послѣдовать закону логическому: отказаться отъ всякаго сужденія—значить отказаться отъ науки, отъ всякой попытки уяснить прошедшія судьбы человѣчества; такимъ образомъ получается силу процессъ логической мысли: онъ восполняетъ для науки то, о чемъ нѣтъ, и даже не можетъ быть, помину въ историческихъ свидѣтельствахъ. Добытое такимъ путемъ положеніе не всегда можетъ имѣть значеніе непререкаемой истины, какъ потому, что зависитъ отъ чисто—логическихъ соображеній, такъ и потому, что въ послѣдствіи могутъ встрѣтиться нѣкоторыя противорѣчащія свидѣтельства; тогда вопросъ принимаетъ новую форму, переислѣдуется—и вмѣсто

(*) Г. Погодинъ опирается на изслѣдованія г. Срезневскаго, который (Мысли о. ист. рус. яз.) утверждалъ, что малорусскій элементъ является въ письменности послѣ XIV в. Но вѣдь г. Срезневскій XIV в. принимаетъ эпоху переворота во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а не въ одномъ малорусскомъ!...

argumentum a silentio—является историческое доказательство. Яснѣ всего это видно на нашемъ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ южнорусскаго племени. До послѣдняго времени—наша историческая наука принимала исконную историческую туземность малорусскаго племени на русскомъ югѣ; никто не бросалъ сомнѣнія на это положеніе, потому что ничто не вызывало на это сомнѣніе: южнорусское племя живетъ теперь главнымъ образомъ по теченію Днѣпра, ни въ лѣтописяхъ, ни въ иныхъ письменныхъ источникахъ нѣтъ свидѣтельствъ, что оно пришло откуда нибудь изъ другого мѣста уже въ историческое время; а потому, весьма естественно и законно—признать это племя за исторически-исконныхъ обитателей страны (вопросъ о переселеніи съ Дуная сюда не идетъ, такъ-какъ мы говоримъ объ эпохѣ исторической). Теперь, когда г. Погодинъ (*) признаетъ этотъ *argumentum a silentio* — недостаточнымъ и, на основаніи логическихъ соображеній, приходитъ къ совершенно иному заключенію—наука обязана взглянуть на дѣло серьезнѣе и поискать уже историческихъ доказательствъ своего положенія. Какъ логическія, такъ и историческія соображенія г. Погодина, оказались несостоятельными, но пытливость—глубже изслѣдовать вопросъ—возбуждена (и это не малая заслуга г. Погодина!) и мы попытаемся, по нашему крайнему разумію, удовлетворить хотя афористически этому стремленію.

Первое доказательство исторической туземности нынѣшняго южнорусскаго племени на полянской землѣ — есть лѣтописная географическая номенклатура городовъ, урочищъ, рѣкъ, горъ и т. д. Почти вся она всецѣло сохранилась у теперешнихъ южноруссовъ: если бы они пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в., то, нѣтъ сомнѣнія, принесли бы съ собою и новыя топографическія названія, которыя напоминали бы ихъ прежнюю родину.

Второе доказательство — народныя южнорусскія преданія: въ нихъ и Царьградъ и историческіе Татары играютъ довольно видную роль. Таковы, напр., легенда о Кіевскихъ Золотыхъ Воротахъ или о Михалкѣ Семііткѣ, пѣсня о службѣ южноруссовъ въ Царьградѣ (Малорусск. Сборникъ г. Мордовцова: пѣсни собранн. г. Костомаровымъ); но — что всего важнѣе—въ современномъ южно-русскомъ народѣ хранятся и такія преданія, которыя занесены въ начальную Кіевскую лѣтопись, таковы:

(*) Нѣчто подобное утверждалъ, помнится, г. Даль, съ своей статѣ: «о нарѣчіяхъ русскаго языка» Вѣстн. Геогр. Общ. 1852. Но, къ сожажѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками этой статьи.

о Кириллѣ Кожемякѣ, въ которомъ изслѣдователи, не безъ основанія, видятъ отрока Владимірова, Усмошвеца, о бѣлгородской осады — какъ горожане обманули Печенѣговъ (и теперь показываютъ тѣ колодцы, гдѣ, по лѣтописи, была разведена сита и кисель). Древлянскій край и теперь полонъ памятью объ Ольгѣ; рѣки и водные источники — носятъ ея имя; также названіе Кіевскихъ урочищъ (Щековица и Хоревица), рѣки Лыбеди — указываютъ на преданія начальной лѣтописи. Предположить, что все это зашло къ народу изъ письменныхъ источниковъ и послѣ XIV в. — невозможно; остается принять, что тотъ же народъ, который жилъ въ эпоху начальной лѣтописи, живетъ и нынѣ на тѣхъ же самихъ мѣстахъ, въ своихъ потомкахъ

Третье доказательство — «Слово о Полку Игоревѣ», поэтический складъ котораго находитъ полное оправданіе въ современной народной поэзіи Малоруссовъ. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій этого вопроса гг. Максимовичемъ (лекція о Сл. о П. Иг., въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 г.) Буслаевымъ и Бодянскимъ (въ изданіи Памяти г. Дубенскаго) — южно-русская основа памятника уже не можетъ подлежать сомнѣнію: народъ, поющій малороссійскія думы, есть потомокъ народа создавшаго «Слово о Полку Игоревѣ», такъ-какъ между этими произведеніями народной поэзіи открывается не внѣшнее, но внутреннее, этнографическое, родство и преемственность.

Четвертое доказательство — принадлежитъ уже области христіанскаго вѣрованія и легенды: мы разумѣемъ идеалы братской любви, *народныхъ* св. Бориса и Глѣба. Что до XIV в. эти идеалы были приеущи благочестивому чувству южнорусскаго человѣка, это доказывается не только начальною лѣтописью, но и житіемъ ихъ, дошедшимъ къ намъ въ рукописи XII в. И что же? Тогда какъ въ Великой-Руси мы нигдѣ не замѣчаемъ особеннаго *народнаго* значенія этихъ святыхъ, въ Южной-Руси (въ Переяславѣ) имъ посвященъ особый *народный* праздникъ (*); здѣсь они — въ полномъ смыслѣ — *народные святые*, стоящіе въ непосредственной связи съ историческими воспоминаніями народа. Ктѣ скажетъ, что этотъ праздникъ возникъ въ позднее время, установленъ церковью, а не созданъ народомъ?

Но *главное доказательство* туземности малорусскаго народа въ полянской землѣ — это опять несостоятельность самой мысли, чтобы

(*) Объ этомъ праздествѣ см. статьи М. А. Максимовича, въ «Кіевлянинѣ», 1830 г., кн. 3.

страну, оставленную *своими* населеніемъ въ такое страшное время, какъ татарскій погромъ, могло занять *чужое*. Что вызывало на такое невыгодное перемѣщеніе, что могло заставить выйти изъ покойныхъ и природою обезопасенныхъ жилищъ, каковы Карпаты—затѣмъ, чтобы *подвинуться* къ Татарамъ и на открытомъ мѣстѣ служить постоянной приманкою для дикихъ кочевниковъ?

Только любовь къ родному пещелищу, къ отогрѣтому мѣсту, съ которымъ соединялось много дорогихъ воспоминаній, только эта любовь могла побудить разбѣжавшееся, при вторженіи Татаръ, населеніе—къ *возвращенію* на прежнія жилища. Эту привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной козацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушеніямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ народнаго малорусскаго характера—и оно то, главнымъ образомъ, служить вѣрною порукою, что нынѣшніе Малороссіяне—прямые и достойные потомки тѣхъ *Руссичей*, къ народному чувству которыхъ обращался пѣвецъ Игоря, возбуждая *вступить* за землю *Русскую* и за обиду того времени!

А. Котляревскій.

ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКЪ.

(Два слова о музыкальной обработкѣ п о г. Безугломъ).

Получивъ извѣстіе объ изданіи малорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ г. Едличкою, мы искренно этому обрадовались. Теперь эти пѣсни уже не пропадутъ для будущихъ поколѣній, какъ пропали безслѣдно и безвозвратно многія другія, преимущественно воинственного содержания. Мы искали ихъ въ собраніи г. Едлички, но не нашли. Тѣ же, которыя у него записаны, изъ числа военныхъ, или походныхъ пѣсенъ, по ихъ мелодіи не отвѣчаютъ тексту: ихъ ритмъ какой-то сентиментальный, не отчетливый, не маршовой. Конечно, это не вина г. Едлички: есть пѣсни, которыя въ различныхъ мѣстностяхъ поются на различные мотивы, и весьма вѣроятно, что въ той мѣстности, гдѣ талантливый собиратель записывалъ ихъ, онѣ пѣлись такъ, какъ онѣ ихъ издалъ. Но здѣсь мы вовсе не думаемъ разбирать это изданіе, предоставляя этотъ трудъ другому, болѣе свѣдущему, критику. Цѣль настоящей статьи совѣтъ другая; объ ней мы скажемъ ниже.

Намъ жаль мелодій тѣхъ украинскихъ пѣсенъ, которыя утратились и которыхъ нѣтъ въ собраніи г. Едлички; а, судя по бурной жизни Запорожцевъ, этихъ пѣсенъ было много. Пѣсня—это живая, устная лѣтопись; часто, при отсутствіи другихъ историческихъ данныхъ, она становится важнымъ документомъ. Січъ Запорожская сначала говорила голосомъ своихъ лицарей; а послѣ, черезъ посредство бардовъ—лирниковъ, передавала свѣту исторію своихъ подвиговъ. Конецъ козачества, перемѣна политической жизни украинскаго народа были сопровождаемы такими потрясающими событіями, такой ужасной борьбой, такими судорожными движеніями народа, и событія эти слѣдовали одно за другимъ такъ быстро, въ такомъ бурномъ обиліи, въ такихъ страшныхъ картинахъ и формахъ, что неудивительно, если народная лира смолкла, онѣмѣла. Трудно было плачущему внуку запѣть лихую,

веселую дѣдовскую пѣсню, говорящую про вольную жизнь. Новый политическій бытъ вызвалъ новые порядки, и всякій думалъ, какъ повести свою жизнь сообразно съ ними. Старое поколѣніе тяготилось новыми порядками, тосковало по старинѣ; но молодое по-немногу свыкло съ ними и лишь изрѣдка слышался стонъ, вырывавшійся изъ груди народа, — и преданія, и характеръ котораго не согласовались съ настоящимъ его бытомъ. О лирѣ никто и не думалъ: на ней были порваны струны...

Если насъ порадовало изданіе малорусскихъ пѣсенъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно-же и опечалило насъ. Намъ пришло на мысль, что эти, богатые своей музыкальностью, мелодіи, подвергнутся той же участи, какаая постигла пѣсни великорусскія. Ихъ примутъ въ свои руки разные петербургскіе композиторы; надѣлаютъ изъ нихъ безчисленное множество *фантазій, варьяцій, капризовъ* и прочей музыкальной всячины; словомъ, — какъ говорятъ, — займется ихъ разработкой. Это значитъ, что ихъ одѣнутъ во всевозможное музыкальное лохмотье, — во все то, что взбрѣдетъ на умъ, или, лучше сказать, что попадетъ подъ пальцы плодovitой посредственности. Загляните въ музыкальные каталоги, — вы тамъ найдете цѣлыя страницы заглавій музыкальных композицій, написанныхъ на великорусскія пѣсни; вы тамъ встрѣтите сочинителей, которые оптомъ, сотнями, взяли на себя ихъ разработку. Вы можете быть увѣрены, что мы не преувеличиваемъ; но ужъ кста-ти, заглянувши въ каталогъ, потрудитесь заглянуть и въ сочиненія. Берите и разсматривайте смѣло первое чтó подѣ рукою: *капризъ* ли это, *фантазія*, или *букетъ* — всё равно; будьте увѣрены, что узнавъ одну такую композицію, вы будете имѣть понятіе обо всѣхъ. Всѣ онѣ сшиты на одну мѣрку; всѣ пѣсни вставлены въ одинаковыя рамки, — только на каждой тетради другое названіе. Вездѣ одна и та же манера, одни и тѣ-же опошлившіеся пассажи: тутъ вы найдете весь соръ музыкальный, все, чтѣмъ такъ богата посредственность...

Но, несмотря на все это, ихъ покупаютъ: онѣ хорошій товаръ въ музыкальных магазинахъ. Великоруссы любятъ свои пѣсни и покупаютъ ихъ — тоже оптомъ, полагаясь на то, что все напечатанное должно быть хорошо. Да, и дѣйствительно, откуда же имъ знать, чтó хорошо и чтó дурно, пока они не купятъ сочиненія? Музыкальной критики въ Россіи не существуетъ; а если и выходятъ въ Петербургѣ музыкальные журналы, то они, въ критическомъ отдѣлѣ, забавляются извѣстіями изъ-за границы, біографическими разсказами и анекдо-

тами, и всѣмъ другимъ, только не критикой. Въ прочихъ же литературныхъ газетахъ и журналахъ, если и бываетъ что-нибудь касающееся музыки, то все тамъ хорошо, все хвалятъ. Единственный примѣръ, что не похвалили г. Лазарева, ничего не доказываетъ...

Что остается дѣлать любителямъ музыки при такомъ отсутствіи музыкальной критики? на что полагаться при покупкѣ нотъ? На заглавіе, или на имя автора; но какъ часто обманывается и то, и другое. Безъ критики всякій авторъ, имя котораго вы встрѣтите на множествѣ композицій, будетъ вамъ казаться наилучшимъ, и такимъ образомъ г-ну Черни придется уступить первое мѣсто. Остается положиться на вкусъ продающаго, но вѣдь и это шатко. Впрочемъ, провинціалы большею частію такъ и поступаютъ; и часто случается, что нѣжный родитель, ничего не смысля въ музыкѣ, привезетъ изъ губернскаго города, или изъ столицы, въ видѣ гостинца, своей дочкѣ кучу нотъ, съ которыми та не знаетъ, что дѣлать: однѣ ей не по вкусу, съ другими она не можетъ справиться. Но купецъ, продающій ноты, не можетъ, да и не хочетъ предвидѣть этихъ неудобствъ: его дѣло, по возможности, сбыть свой товаръ съ рукъ. Однако и родитель въ этомъ случаѣ не въ большомъ накладѣ: онъ больше бы потерялъ, еслибы повѣрилъ похваламъ литературныхъ газетъ. Онъ тогда накупилъ бы сочиненій того великаго *русскаго* композитора, котораго Англія приглашала къ себѣ, для сочиненія ей ораторій; онъ накупилъ бы произведеній великаго *maestro*, которому музыкальныя общества подносятъ золотые жезлы, какъ накупили ихъ мы, соблазнивъ блестящими отзывами. Эти сочиненія лежатъ передъ нами, и мы, перелистывая ихъ, должны невольно сознаться, какъ горько ошиблись мы въ нашихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. Тщетно ищемъ мы въ нихъ великихъ идей великаго русскаго мастера; тщетно желаемъ углубиться въ оригинальность модуляцій, въ поразительныя красоты мелодій. Ничего этого въ нихъ нѣтъ: рамки, въ которыхъ думали увидѣть картину, содержатъ только пятна, намеки на что-то; соблюденіе формы идетъ за мысль. Но можетъ быть мы ошибаемся? можетъ быть наши музыкальныя познанія такъ слабы, что намъ недоступны идеи великихъ музыкальных мыслителей?

Беремъ сочиненія другаго, не очень великаго, но все — таки знаменитаго петербургскаго композитора, объ которомъ часто газеты вспоминаютъ, какъ о великомъ виртуозѣ и замѣчательномъ композиторѣ. Тутъ есть пожалуй и мысль; но манера! манера! Какъ эта тальберговщина намъ надоела. Какое однообразіе, монотонія! Довольно пе-

рассмотрѣть одно сочиненіе, чтобы уже не смотря, безъ ошибки разсказать, какъ составлено другое, десятое, сотое. Почти не ошибься, если скажешь, что послѣ темы, пойдетъ варьяція вверхъ и внизъ по всей клавиатурѣ пассажами. Другая варьяція будетъ перенесеніе темы въ басъ; третья пойдетъ трелями и т. д. Въ слѣдующемъ сочиненіи будетъ тоже наизнанку, и тема—основная мысль сочиненія, эта эссенція, надоѣстъ вамъ своими повтореніями, пока вы доиграете до конца все сочиненіе.

Кажется, давно пора—бы бросить эту манеру. Неужели она еще не надоѣла, я не говорю—публикѣ, но самимъ же гг. композиторамъ? Конечно, тальберговская манера легче всякой другой, и потому—то она такъ дорога гг. артистамъ средней руки: съ ея помощью — и бездарная посредственность становится на одну доску съ истиннымъ талантомъ. Но, вѣдь истинный талантъ не станетъ на—скорую руку составлять свои произведенія; онъ не спѣшитъ за сомнительной извѣстностью, онъ идетъ своей дорогой, и въ немъ должна преобладать оригинальность. Въ одно время съ Тальбергомъ жилъ и Шопенъ, и посмотрите какая разница ихъ произведеній! Кто знаетъ Шопена, кто умѣетъ понимать его, тотъ и не взглянетъ на произведенія петербургскихъ великановъ. А между тѣмъ, по слѣдамъ Тальберга пошло многое множество различныхъ виртуозовъ и композиторовъ, тогда—какъ у Шопена нѣтъ подражателей.

Досадно, что у насъ не понимаютъ Шопена до-сихъ-поръ. Правда и то, что произведенія его дышатъ такой оригинальностью; всѣ мысли, всѣ фразы его запечатлѣны такой геніальностью, что не всякій артистъ можетъ ихъ и исполнить, какъ слѣдуетъ. У него встрѣчается такое разнообразіе мотивовъ и мелодій, что публика, слушающая его произведеніе, часто не успѣваетъ схватить его мысли, и лучше любить, чтобы композиторъ повторялъ ей свою мысль двадцать разъ сряду на различные тоны: тогда она ужъ поневолѣ наизусть заучитъ эту мысль. А Шопенъ, нелюбившій повторяться, все—таки, для большинства, остается загадкою, сфинксомъ, и многіе, прослушавъ въ концертѣ его піэсу, выходятъ изъ залы, повторяя вслѣдъ за нѣмцами: *Das ist keine musik!*

Малороссійскія пѣсни имѣютъ большую извѣстность и всѣмъ нравятся—знающимъ и незнающимъ; неудивительно, что за ихъ разработку возьмется цѣлая толпа петербургскихъ композиторовъ, которые будутъ стараться втискивать ихъ въ тѣ же рамки, изъ которыхъ такъ пла-

чевно выглядываютъ великорусскія пѣсни. Для того, чтобы успѣшно сочинять на мотивы народныхъ пѣсенъ, необходимо хорошо знать этотъ народъ: его нравы, обычаи, исторію; а для этого надо или родиться, или много жить въ той странѣ, національную музыку которой разрабатываешь, и, во всякомъ случаѣ, нужно много и пристально изучать.

Въ изданіи г. Едлички мы встрѣтили нѣсколько знакомыхъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ, которыя мы слышали гораздо прежде въ сочиненіяхъ г. *Безуглаго*, и которыя намъ такъ понравились тогда. Это подало намъ поводъ написать настоящую статью; такъ—какъ уже давно мы не встрѣчали въ газетахъ никакихъ отзывовъ о г. Безугломъ, то были вправѣ подумать, что публика или не знаетъ его, или вовсе о немъ забыла. Въ первомъ случаѣ, намъ жаль публику; а второе было бы несправедливо въ — отношеніи композитора, такъ какъ все, что онъ написалъ до—сихъ—поръ, носитъ на себѣ печать истиннаго таланта, и таланта оригинальнаго.

Всѣ гоняются за оригинальностью; но она есть достояніе весьма немногихъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что юный артистъ, въ молодости, избираетъ себѣ преимущественно какого нибудь знаменитаго композитора, къ произведеніямъ котораго питаетъ больше симпатіи; изучаетъ его манеру и, въ своихъ сочиненіяхъ,—непремѣнно подражаетъ ему. Счастливы тѣ, вкусъ которыхъ, вслѣдствіе воспитанія, рано очищается: они очень скоро перестаютъ восхищаться произведеніями современныхъ знаменитостей, понимая, что никакіе фокусы, никакой музыкальный фейерверкъ, не замѣнитъ истиннаго благородства и изящной простоты старыхъ *maîtres*. Моцартъ, Бетховенъ, Веберъ, а изъ новѣйшихъ—Шопенъ—вотъ ихъ идеалы. Другіе, менѣ счастливые, или менѣ талантливые останавливаются на Тальбергѣ или Листѣ и далѣе нейдутъ, предпочитая хореграфическія движенія рукъ на клавишахъ, богатству и силѣ мыслей. Но всякій истинный талантъ не долженъ, и не можетъ, остановиться на одной точкѣ. До конца своихъ дней онъ развивается и совершенствуется; а развиваясь—и усваиваетъ себѣ оригинальность, хотя въ первоначальныхъ его произведеніяхъ всегда слышится та или другая манера уже знакомыхъ композиторовъ.

Конечно, читатели поймутъ, что мы говоримъ, собственно, о пианистахъ, тѣмъ болѣе, что и г. Безуглый, о сочиненіяхъ котораго мы намѣрены говорить, также пианистъ. Но все сказанное нами можетъ относиться и ко всякаго рода музыкѣ.

Эту статью мы пишемъ исключительно для Украины, чтобы познать ее, насколько это въ нашихъ силахъ, съ произведеніями ея національнаго композитора, потому—что г. Безуглый родился въ Подольской губерніи, и все дѣтство и юность провелъ въ Украинѣ. Вотъ почему онъ такъ хорошо усвоилъ себѣ малороссійскія мелодіи, и такъ вѣрно передаетъ въ своихъ произведеніяхъ характеръ народной украинской музыки.

Первое сочиненіе г. Безуглаго мы слышали въ 1855 году, сыгранное самимъ авторомъ въ блестящемъ концертѣ, данномъ имъ вмѣстѣ съ г. Тропянскимъ. То была «Podolanka—mazurka». Публикѣ весьма понравилась эта піеса, хотя она принадлежитъ къ числу юношескихъ произведеній автора. Въ этой мазуркѣ нѣтъ того, чѣмъ обыкновенно любятъ похвастать молодые композиторы: школьнаго педантизма, или претензіи на блескъ. Напротивъ, тутъ видна не смѣлость, почти робость: ни мудреныхъ комбинацій, ни блестящихъ пассажей, — нѣсколько мелодій, сплетенныхъ въ скромный вѣнокъ, нѣсколько, чуть замѣтныхъ ошибокъ — и больше ничего. Но зато чистое вдохновеніе вѣетъ отъ каждой фразы, отъ всякой ноты. Это сочиненіе было издано въ Варшавѣ; но въ немногихъ экземплярахъ, и уже конечно изданіе давно изчерпано.

Второе произведеніе украинскаго композитора появилось въ 1856 году, и было издано въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ *L'enfant d'Ukraine*. Въ немъ талантъ автора уже какъ—бы сложился и опредѣлился вполне, но, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ тальберговской манеры, которая намъ крайне противна. Впрочемъ, весьма многимъ нравится это сочиненіе; и дѣйствительно, оставя въ сторонѣ нашъ личный вкусъ и взглядъ на музыку, оно имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, по мысли, по общему плану и фактурѣ. Въ немъ авторъ выказалъ большое знаніе сложнаго контрапункта и законовъ гармоніи, и чуть—ли не исчерпалъ всѣ средства, которыя, въ наше время, представляетъ усвоенный имъ инструментъ. Все это заставляетъ насъ разобрать эту піесу.

Послѣ небольшой прелюдіи, грустнаго содержанія и формы чисто тальберговской, идетъ украинская піеса полными аккордами грустнаго и серьезнаго характера. Эта піеса повторяется затѣмъ въ другой разъ, разбросанными аккордами, выражающими какое—то волненіе, которое увеличивается, и піеса повторяется третій разъ, быстрыми, какъ молнія, прыжками аккордовъ. Тема, однако, ясно и отчетливо поется на среднихъ тонахъ. Въ этой варіаціи, очевидно, авторъ хочетъ вы-

разить сильное волненіе, борьбу, козацкую стычку, и, до нѣкоторой степени, успѣлъ въ этомъ. Затѣмъ, быстрое движеніе аккордовъ уменьшается, прерывается и слѣдуетъ вторая тема, другая украинская пѣсня, веселаго характера и игривой формы. Живое движеніе пѣсни, ея веселый мажорный тонъ, выражаютъ какое-то разгульное веселье: то затянетъ ее хоръ дружно, то съ присвистомъ и присядкой; то голоса распадаются, то опять слагаются въ стройный хоръ. Слышно какое-то опьяненіе, разгуль, неистовство, какъ будто послѣ предыдущей схватки лихіе козаки празднуютъ побѣду. Но тоны смѣшиваются; голоса начинаютъ не дружно; всякій тянетъ по-своему, одинъ другаго перебиваетъ. Охрипшіе голоса начинаютъ не въ тактъ: тотъ поетъ выше, другой ниже, словомъ: «кто въ лѣсъ, кто по дрова». Такая неистовая веселость должна истощить наконецъ и козацкую натуру и, вотъ, хоръ уменьшается; шумъ и гамъ стихаютъ, только изрѣдка начинаютъ долетать отрывочные тоны пѣсни, и, наконецъ, все смолкаетъ. Начинается *andante*, въ которомъ въ верхнихъ нотахъ повторяется первая тема; но другая гармонія придаетъ ей новый характеръ и выраженіе какого-то раздумья. Быть можетъ, это—войсковые старшины сошлись *на рѣду* и обсуживаютъ дѣло? Но гармонія входитъ въ первоначальныя границы,—и опять волненіе, опять борьба; мѣстами прорываются стоны, слышится плачь... Гдѣ же плоды того раздумья, которое выразилось въ *andante*?—Намъ кажется, что пѣса въ этомъ мѣстѣ не выдержана. Или, можетъ быть, лихая доля послала несчастье на страну и потому—то, хотя волненіе и прекратилось, но плачь долго еще слышится. Дребезжащіе звуки почти замираютъ и издалека слышится тихіе, мягкіе тоны прежней веселой пѣсни; но живой ритмъ ея однако не заглушаетъ плача, и, какъ слабый проблескъ надежды, тонетъ въ слезахъ. Эти разнохарактерныя пѣсни, соединенныя вмѣстѣ въ концѣ пѣсы, производятъ удивительный эффектъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого сочиненія видна какая-то небрежность, какъ будто автору лѣнь было переписать ее въ другой разъ.

Третье сочиненіе г. Безуглаго мы слышали два раза въ концертахъ, но не знаемъ было ли оно напечатано. Мы имѣемъ его въ рукописи и по ней постараемся разобрать его такъ—же безпристрастно, какъ и предыдущія. Сочиненіе это называется «Украинская колыбельная пѣсня» и есть чистая идиллія въ украинскомъ духѣ.

Основная мысль этой пѣсы, если ее можно заключить въ слова, была—выразить мечты матери надъ колыбелью своего ребенка, уба-

юкивающей его ко сну и мечтающей о его будущности. Пока ребенок шевелится еще и плачетъ въ люлькѣ, мать убаюкиваетъ его мотивомъ грустной пѣсни, той самой, которой всѣ украинки убаюкиваютъ своихъ дѣтей, которой, можетъ быть, самого композитора убаюкивала въ дѣтствѣ его мать. Пѣснь эта тихая и спокойная; ее поддерживаетъ однообразная гармонія, выражающая мѣрное колыханіе люльки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминающая слѣзца лирика, который аккомпанируетъ себѣ на своемъ инструментѣ. Здѣсь не только тема національная, но и самый аккомпаниментъ, который служить поддержкой нѣсколькимъ мотивамъ, слѣдующимъ одинъ за другимъ въ разныхъ интонаціяхъ (*major et minor*), оставаясь на той же тоникѣ. Но ребенокъ уснулъ, и мать уносится мечтами въ далекую будущность; ея воображеніе рисуетъ богатыя картины; барвинкомъ и любисткомъ устилаетъ она жизненный путь своего младенца; ей видится даль только въ розовомъ цвѣтѣ, и любовь материнская радугой счастья окружаетъ будущую судьбу своего дѣтища. И забыла она, да и гдѣ жъ ей, счастливой и любящей, помнить, что некрутчина, (какъ роковой призракъ стоитъ въ самомъ началѣ жизненнаго пути ея младенца. Она такъ предалась своимъ мечтамъ, такъ въ нихъ погрузилась, что люлька едва шевелится; голова ея склоняется на грудь, улыбка счастья озаряетъ ея уста и мечты матери перешли въ волшебныя сновидѣнія. И ребенокъ и мать заснули.

Простота и задумчивость этой небольшой пѣсньи увлекательны. Въ ней авторъ остается вѣренъ самому себѣ и своему таланту, не замечая для своего произведенія ни чьей избитой манеры. Послѣ фантазіи «*L'enfant d'Ukraine*» это сочиненіе насъ очень обрадовало, потому что мы уже считали самобытность г. Безуглого погибшей: мы думали, что онъ, вѣдѣ за другими, навсегда пошелъ по тальберговской рутинѣ. Оказалось, однако, что фантазія въ тальберговскомъ родѣ была только пробой и упражненіемъ, и что авторъ никогда не имѣлъ пристрастія къ этой манерѣ. Можно надѣяться, что талантливый композиторъ отказался отъ такого рода сочиненій навсегда и не будетъ болѣе тратить столько воображенія, столько мысли, для блестящихъ пассажей и граціозныхъ положеній рукъ на клавишахъ.

Наши надежды осуществляются, потому—что г. Безуглый, въ двухъ новыхъ своихъ произведеніяхъ, двухъ «балладахъ» въ украинскомъ духѣ, остается снова вѣренъ своему оригинальному направленію, и, кажется, твердо пошелъ по избранному имъ пути. Намъ очень трудно

сдѣлать разборъ обоихъ этихъ произведеній, потому что они еще не напечатаны и мы не имѣемъ ихъ даже въ рукописи. Но мы слышали нѣсколько разъ, какъ ихъ игралъ самъ авторъ, и попробуемъ хоть вкратцѣ передать ихъ содержаніе, такъ, какъ мы его прочувствовали.

Первая «баллада» — поэма любви; это одна изъ драмъ, которыхъ такъ много разыгрывается втихомолку въ глуши хутора, или деревни. Всякій украинскій балагуръ, первый попавшійся слѣпецъ, каждая украинская «тітка», или «дядина», расскажутъ вамъ подобную исторію. Кто знаетъ Украину, кто знаетъ, какъ сильно, страстно умѣютъ тамъ любить, тотъ услышитъ въ звукахъ «баллады» самыя живыя сцены и возвышенность чувствъ, и упоеніе любви, и борьбу противъ злой доли. Сколько прелести, увлеченія, въ лирическихъ сценахъ любви, столько-же драматизму и силы въ сценахъ отчаянія. Композиторъ не сентиментальничаетъ, не вдается въ мелодраму: плаксивости нѣтъ; но нѣтъ и жесткости. Онъ не надѣбаетъ мелодіей, не мозолитъ ушей темой, и украинскіе мотивы здѣсь даже не на первомъ планѣ. Авторъ рассказываетъ *по — своему*, а народныя мелодіи являются какъ подтвержденіе его разсказа.

Вторая «баллада» болѣе серьезнаго содержанія. Мысль ея взята тоже изъ быта Украины, но изъ быта историческаго, а потому тутъ важную роль играютъ мотивы походныхъ козацкихъ пѣсень. Первая часть баллады передаетъ, какъ козаки выступаютъ въ походъ. Это уже не скрытный набѣгъ, но регулярный походъ на войну. Полки ведетъ Сагайдачный; народъ провожаетъ ихъ и отвѣчаетъ козакамъ на ихъ прощальную пѣсню, могучими аккордами, стройной и сильной гармоніей: въ этихъ отрывистыхъ взрывахъ могучаго хора слышится и сочувствіе и ободреніе. Походная пѣсня переходитъ въ военный маршъ и козаки исчезаютъ за тучей пыли, поднятой копытами ихъ коней.

Затѣмъ, композиторъ вводитъ въ балладу эпизодъ совершенно частный, — но который находится въ непосредственной связи съ 1-й частью баллады, прямо изъ нея вытекаетъ. Между народомъ, провожавшимъ козаковъ на войну, «дівчина» проспала своего «сокола» и ея-то любовь и тоску передаетъ авторъ въ этой второй части баллады. Сначала она припоминаетъ всю свою прошлую жизнь, свое знакомство съ милымъ, послѣдній его разговоръ, который композиторъ передаетъ прелестнымъ дуэтомъ. Но козаки не возвращаются изъ похода; бѣдная, ни слуху, ни вѣсти не имѣетъ о своемъ миломъ; и вотъ — она въ отчаяніи поетъ лебединую пѣсню «віють вітри». Задумевшая, полная тоски,

мелодія этой пѣсни талантливымъ композиторомъ доведена до выраженія полной безнадежности, сильнѣйшаго отчаянія, и необыкновенно удачно заканчивается піэсу.

Вотъ все, что, покуда, мы знаемъ о сочиненіяхъ г. Безуглаго; но мы слышали, что онъ пишетъ еще что-то, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, но съ тѣмъ же направленіемъ. Мы будемъ очень рады, если первые познакомятъ Украину съ музыкальными произведеніями, которыя она только одна можетъ оцѣнить по достоинству, — потому, что талантъ г. Безуглаго прямо вытекаетъ изъ народной мелодіи, или, лучше сказать, народная мелодія придаетъ ему тотъ оригинальный характеръ, которымъ отличаются его сочиненія. Что до насъ касается, то мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія въ печати послѣднихъ произведеній украинскаго композитора, и душевно желаемъ, чтобы талантъ его неуклонно шелъ по избранному имъ пути.

Бачный.

30 октября

1861 года.

О ПЕРЕДАЧѢ НАУЧНЫХЪ СВѢДѢНІЙ НА НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ замѣткѣ, подъ названіемъ «*Устія мѡва зъ науки*» (Основа, за мартъ 1862) выражено желаніе благомыслящихъ и просвѣщенныхъ Малоруссовъ—упростить способы изложенія общепользыхъ свѣдѣній, и такимъ образомъ содѣйствовать къ успѣшнѣйшему распространенію просвѣщенія между массою южнорусскаго народа. Для этого, разумѣется, прежде всего необходимо обработать первоначальныя науки на родномъ языкѣ. Нельзя не пожелать успѣха въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ. Мы думаемъ, что въ украинскомъ языкѣ, неиспорченномъ, подобно великорусскому, чужестранными вліяніями, развивающемся самобытно изъ родныхъ источниковъ, найдется достаточно средствъ для замѣны научныхъ терминовъ словами общепонятными и чисто-славянскаго происхожденія; великорусскому научному языку все еще не удастся освободиться отъ множества всякаго рода *логій, номій, грамма* и т. п.

Гораздо больше неудачъ встрѣтятся съ той именно стороны, съ которой менѣе всего, можетъ быть, ожидаютъ ревнители родного слова. Нѣкоторые полагаютъ, что преподавать или излагать популярно элементарныя учебныя предметы—дѣло легкое. Такое ложное мнѣніе у насъ вкралось отъ общаго недостатка знаній какъ этихъ элементарныхъ предметовъ, такъ и основныхъ началъ педагогій. Людямъ, серьезно размышлявшимъ объ этомъ и дѣлавшимъ уже опыты въ популярной передачѣ элементарныхъ познаній, очень хорошо извѣстно, какими качествами необходимо обладать преподавателю, чтобы достигнуть болѣе или менѣе полнаго успѣха; они очень хорошо знаютъ, чего стоить такая задача. Тутъ недостаточно одного знанія предмета въ томъ объемѣ, въ какомъ предположено его преподавать или излагать. Наставникъ народа или учитель дѣтей младшаго возраста долженъ: *во-первыхъ*, знать элементарныя предметы такъ же хорошо, какъ и лучшій спеціалистъ, съ тою только, разумѣется, разницею, что первый принимаетъ къ свѣдѣнію послѣднее слово науки, такъ сказать, *на вѣру*, а второй *повѣряетъ* это слово *собственными* опытами и наблюде-

ніями; *во-вторыхъ*, знать основныя начала педагогій; *въ-третьихъ*, знать дѣтскую природу въ-особенности,—а для этого, разумѣется, необходимо—обладать извѣстнымъ тактомъ и даромъ особенной наблюдательности; и наконецъ *въ-четвертыхъ*, учитель, по своимъ понятіямъ, ставъ выше той среды, въ которой желаетъ оказать свое вліяніе, долженъ умѣть и снизойти въ эту среду и проникнуться ея понятіями. Однимъ словомъ, отъ подобныхъ дѣятелей требуется слишкомъ много и *знаній*, и *опытности*, и *таланта*. Смѣшно и вмѣстѣ жалко смотрѣть, какъ нѣкоторые издатели популярныхъ книжицъ премило лепечутъ дѣтскимъ языкомъ о совершенно-немилыхъ (т. е. совершенно-непонятныхъ) предметахъ; или какъ бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго мужичка, стараются наставить на путь истины, пудря ему голову совершенно не мужицкимъ манеромъ и коверкая и ломая его простую рѣчь на московскій или петербургскій ладъ. Изъ всѣхъ этихъ безцеремонныхъ, медвѣжьихъ лобзаній и лягушечьихъ кваканій, разумѣется, ничего больше не выходитъ, какъ чистая *пошехонская* чепуха. И виною всему этому вовсе не *мужицкій языкъ*, а *невъжественное обыкновеніе*—браться не за свое дѣло,—т. е. браться за столь святое дѣло такъ легкомысленно, безъ надлежащаго приготовленія, знанія и таланта.

Положимъ, что въ необходимомъ матеріалѣ, изъ котораго можно черпать научныя свѣдѣнія, недостатка не будетъ, если прибѣгнуть къ помощи иностранной литературы; но сумѣть выбрать, расположить и передать понятнымъ, т. е. болѣе или менѣе *нагляднымъ* образомъ, элементарныя знанія—будетъ гораздо труднѣе. Для достиженія этого, прежде всего необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, кому именно передаются эти знанія—*дѣтямъ*—ли или же *взрослымъ простолюдинамъ*? При составленіи учебниковъ и книгъ для народнаго чтенія у насъ вошло и, какъ надо полагать, вошло *безсознательно*,—въ привычку—смѣшивать простолюдиновъ съ дѣтьми и излагать науку тѣмъ и другимъ одинаковымъ образомъ. Очевидно, что это совершенно неосновательно; ибо понятія и свѣдѣнія, приобретаемыя опытомъ, жизнью, у тѣхъ и у другихъ весьма различны, слѣдовательно, не все то, что для взрослого необразованнаго человѣка понятно и занимательно, можетъ быть такимъ для дитяти; и на оборотъ: не все то, что привлекаетъ вниманіе дитяти, можетъ быть привлекательно для взрослого. А отсюда слѣдуетъ, что при популярномъ изложеніи какой-либо науки въ томъ и другомъ случаѣ должно употреблять разные приемы;

да и объемъ науки будетъ то расширяться, то сокращаться въ своихъ частяхъ, смотря потому, кому мы сообщаемъ ея истины—мальчику—ли, находящему болѣе интереса въ искусномъ устройствѣ силковъ, нежели въ умѣнны предугадывать вѣдро,—или же взрослому земледѣльцу, для котораго чрезвычайно интересно узнать причину, если не всѣхъ, то весьма многихъ явленій природы. Вообще, въ первомъ случаѣ болѣе всего слѣдуетъ обращать вниманіе на поэтическую, или вѣрнѣе, чувственную сторону предмета, т. е. на такую сторону, которою болѣе всего можно привлечь вниманіе дитяти; во второмъ—тотъ же предметъ разсматривается преимущественно со стороны прямой его пользы, т. е. со стороны его практическаго значенія.

Возьмемъ для примѣра «спробу» популярнаго объясненія «*про дощъ*», помѣщенную въ мартѣвской книжкѣ *Основы*, и посмотримъ, насколько этотъ опытъ не достигаетъ надлежащей цѣли по причинѣ упущенія этого условія. Съ одной стороны, мы находимъ въ этой статьѣ кое-что лишнее, а съ другой—замѣчаемъ отсутствіе самаго необходимаго. Объяснимъ это на дѣлѣ.

Если эта бесѣда «*про дощъ*» ведется съ цѣлью поученія взрослыхъ людей, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы ее расширить, обративъ особенное вниманіе на слѣдующіе предметы:

а) на *туманъ* и *облака*, по которымъ можно болѣе или менѣе вѣрно предсказывать погоду;

и б) На состояніе воздуха—его *сухость* или *влажность*, на способъ, какъ узнавать это состояніе воздуха, и на его вліяніе на измѣненіе погоды.

Все это предметы чрезвычайно любопытные и притомъ такіе, которые не трудно объяснить понятнымъ образомъ для необразованнаго, но практически—опытнаго, человека. Какъ извѣстно, по нѣкоторымъ атмосферическимъ явленіямъ наблюдательные земледѣльцы иногда довольно вѣрно угадываютъ погоду, вовсе не умѣючи объяснить причину и таинственную связь между этою послѣднею и самимъ явленіемъ;—такъ напр. они знаютъ, что красноватыя облака, замѣчаемыя при заходѣнн и восхожденн солнца, предвѣщаютъ вѣтеръ и дождь. Но знаетъ—ли кто изъ нихъ, что «яркость цвѣта всегда пропорціональна количеству паровъ, переходящихъ изъ прозрачныхъ въ состояніе тумана»? и что, слѣд., по степени яркости цвѣта, можно судить о болѣе или менѣе быстрой и рѣзкой перемѣнѣ погоды? А вѣдь какъ хорошо, какъ любопытно знать подобныя вещи!

Если же мы станемъ толковать про то же самое явленіе — про дождь дѣтямъ, тогда вовсе ненадо толковать о засухѣ и о *тяжелыхъ временахъ*: дитяти до этого вовсе нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, ему будетъ очень интересно узнать, что серебристыя капельки, росинки, которыя оно видѣло на цвѣткѣ, имѣютъ аналогію съ такими же капельками воды, которыя, безъ сомнѣнія, замѣчало на крышкѣ кастрюли, на тарелкѣ, ложкѣ, или на стеклѣ и т. п. Тутъ не слѣдуетъ уже говорить о какихъ бы то ни было законахъ и о взаимной связи явленій природы, до-тѣхъ-поръ, пока вы не объясните послѣдовательно этихъ явленій, начиная съ самаго легкаго и постепенно переходя къ болѣе трудному, и пока не разовьете въ дитяти извѣстную степень наблюдательности, которой у него не можетъ быть въ той степени, какъ у взрослого, и безъ которой нельзя усвоить никакихъ положительныхъ знаній. Такимъ-образомъ, прежде чѣмъ вы начнете говорить о дождѣ, побесѣдуйте сперва кой-о-чемъ другомъ: сначала о водѣ и парахъ вообще, а потомъ — о росѣ, туманѣ и облакахъ. Да и вообще, при общедоступномъ объясненіи дожда, едва-ли будетъ кстати держаться другаго, а не этого, порядка.

Говоря это, мы указываемъ на тѣ недостатки, которыхъ не трудно избѣжать, но которые, несмотря на ихъ важность, очень часто упускаются изъ виду. Мы хотѣли подѣлиться своею опытностію и навести достойныхъ дѣателей на болѣе вѣрную дорогу. На долю южанъ выпали болѣе благоприятныя, въ этомъ отношеніи, обстоятельства, чѣмъ для сѣверянъ, промахи и самонадѣянные замашки которыхъ, безъ сомнѣнія, послужатъ поучительными уроками для украинцевъ, если только послѣдніе воспользуются обильными указаніями русской педагогической литературы. Какъ бы то ни было, мы напередъ увѣрены, что для южанъ, близкихъ и вѣрныхъ своему народу, этотъ трудъ дается лучше, чѣмъ онъ давался до-сихъ-поръ сѣверянамъ. Да, кажется, и всегда такъ бываетъ, что юная литература, заявившая уже свои жизненные силы, но еще не вполне установившаяся, и испытывающая нападкы даже насчетъ ея правъ существованія въ общей семьѣ одноплеменницъ, — такая литература, говоримъ, всегда способна проявить особенную энергическую дѣятельность — какъ справедливый укоръ своей горделивой и, хотя и размашистой, но не очень подвижной, сестрицѣ.

І. Шарловскій.

24 октября 1862.

Старосвѣтскій бандуриста, Николая Закревскаго. Москва. 1860—61, въ 8-ю д. листа VIII, 628 двойн. стр. *Книга первая.* Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп. Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. *Книга вторая.* Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки, и галицкія приповѣдки. *Книга третья.* Словарь малороссійскихъ ідіомовъ.

Издатель старосвѣтскаго *Бандуриста*, въ предисловіи къ пѣснямъ и словарю, излагаетъ свой краткій взглядъ на нашъ языкъ и литературу. По его мнѣнію, «малороссійское нарѣчіе *никогда* не возвысится до степени языка обработаннаго, *облагороженнаго классическою литературою!*» потому что «народное нарѣчіе каждый образованный малороссіянинъ употребляетъ *единственно* для *выраженія* шутки, для увеселенія. Цѣль сочиненій на этомъ нарѣчій есть забава, невинное увеселеніе, пріятное препровожденіе времени, и для многихъ малороссіянь, разбѣянныхъ по огромному Русскому царству, есть сладостное воспоминаніе обычаевъ, поговорокъ, простодушныхъ остротъ своихъ земляковъ и возобновленіе пріятныхъ впечатлѣній собственной молодости, проведенной на родинѣ.» Мы приводимъ эти слова вовсе не для того, чтобы возражать на нихъ: мы хотѣли только указать читателямъ на степень разумѣнія сего, донинѣ неизвѣстнаго, дѣятеля. Что можетъ значить подобное старческое лепетанье—для людей, преданныхъ дѣлу родины? Къ чему же оспаривать его? Къ чему—слова, гдѣ само дѣло, сама жизнь, говоритъ и ясно, и убѣдительно?.. Продолжайте, г. Закревскій, въ этомъ же родѣ; а мы обратимся прямо къ пѣснямъ.

Малороссійскія пѣсни г. Закревскій раздѣляетъ на четыре отдѣла: военные, нѣжныя, веселыя и обрядовыя; точь-въ-точь, какъ въ *новѣйшихъ російскихъ пѣсенникахъ!* Вслѣдствіе этого дѣленія у него выходятъ забавныя несообразности; такъ, напримѣръ, чумацкія

и бурлацкія пѣсни втиснуты въ отдѣлъ военныхъ, и т. п. Впрочемъ, это дѣленіе существуетъ только въ предисловіи; въ самомъ же сборникѣ пѣсни расположены не по группамъ, а въ перемежку, по образцу лучшихъ, подобнаго рода, иностранныхъ сборниковъ.

Мысль издать отборныя малороссійскія пѣсни—превосходная. Въ самомъ дѣлѣ, въ сборникѣ, гдѣ были бы собраны такъ—сказать перлы украинской народной поэзіи, чувствуется сильная потребность. Подобный сборникъ для каждаго образованнаго малорусса могъ бы служить настольною книгою, которую можно было бы съ удовольствіемъ прочесть всю до конца, не выпуская изъ рукъ, и даже заучить на память. Конечно, при такомъ сборникѣ необходимы и ноты, для того, чтобы всякому желающему можно было познакомиться съ лучшими голосами родныхъ пѣсень. Но за это дѣло долженъ взяться человѣкъ съ болѣе развитымъ эстетическимъ чувствомъ, нежели г. Закревскій. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что хотя въ заглавіи «старосвѣтскаго бандуриста» и напечатано, будто въ этой книгѣ помѣщены пѣсни собранныя самимъ издателемъ, но это—неправда. Всѣ онѣ перепечатаны изъ извѣстныхъ уже сборниковъ: Максимовича, Метлинскаго, Вацлава зъ Олеска, Куцаго и др. Легко собирать подобнымъ образомъ! Добро бы еще, если бы г. Закревскій выбралъ оттуда дѣйствительно лучшія пѣсни, а то нѣтъ: у него и на это не хватило способности. Изъ числа 190 пѣсень его сборника почти половина посредственныхъ или вовсе плохихъ. Многія изъ нихъ представлены въ изуродованномъ видѣ, другія въ отрывкахъ; таковы напр. пѣсни подъ № 12, 75, 110, 113, 173 и др. Въ подтвержденіе справедливости нашихъ словъ приведемъ двѣ общеизвѣстныя пѣсни въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны у г. Закревскаго.

1.

Ой дівчина-горлиця
До козака горнетця,
А козакъ якъ орелъ
Якъ побачивъ, такъ и вмеръ.
Якъ би мені зранку
Горілочки шклянку,
И тютюнь, та люльку,
Дівчину Ганнульку:
Горілочку бъ пивъ, пивъ,

И люлечку бѣ я куривъ;
И дівчину Ганнулечку
До серденька бѣ все туливъ.
Колибъ мені зранку
Кави фимжанку,
Сухарця, й до того
Хлопця молодого.
Кавоньку бѣ я тила,
Сухарець би іла,
Хлопця молодого
До себе тумла.

2.

Ой за гаємъ, ой за гаємъ, та вже зелененькимъ —
Тамъ орала дівчинонька воликомъ чорненькимъ.
Ой орала дівчинонька, не вмѣла гукати,
Та наняла козаченька у скрипочку грати.
Козакъ въ скрипку грає, бровами моргає,
Вража ёго мати знає, про що вінъ гадає?
Чи про мої воли, чи про чорни брови,
Чи про мое біле личко, здатне до любови!

И вся! Между тѣмъ эта пѣсня такъ распространена даже между Русскими, что ее можно бы записать напимѣръ хоть въ Архангельской губерніи, отъ лицъ никогда не бывавшихъ въ Малороссіи.

Кажется, достаточно двухъ приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть неспособность издателя къ задуманному имъ предпріятію. Въ «старосвѣтскомъ бандуристѣ» между пѣснями помѣщены, что называется, ни къ селу, ни къ городу, и искусственныя произведенія: уродливая по своему языку дума Мазепы, пѣсни Писаревского, Головатаго, вирши Аонасьева—Чужбинскаго, неподражаемаго, по словамъ издателя, Котляревскаго и другихъ пѣнцовъ.

Не лучше ли было бы г. Закревскому, вмѣсто того, чтобы перепечатывать уже обнародованныя пѣсни, заняться сравненіемъ ихъ съ славянскими? Изъ такого сравненія вышли бы чрезвычайно любопытныя результаты. Тогда онъ убѣдился бы между прочимъ, что украинскія пѣсни досягають глубокой древности, а не относятся, какъ онъ полагаетъ, къ XVII или даже къ прошлому столѣтію (стр. VII). Желательно знать, на чемъ г. Закревскій основываетъ свое мнѣніе?

Ужъ не на томъ ли обстоятельстве, что во всѣхъ нашихъ пѣсняхъ языкъ новъ? Но вѣдь это появленіе языка ничего не доказываетъ! Мы и въ числѣ перепечатанныхъ имъ пѣсень нашли двѣ, относящіяся къ глубокой древности: Щиглове весілля (№ 90) и Вивідка (69). Доказательствомъ ихъ древности служить то обстоятельство, что онѣ извѣстны Чехамъ, Словакамъ и др. западнымъ Славянамъ. Советуемъ издателю для разубѣжденія въ своемъ предположеніи прочесть въ чешскомъ альманахѣ «Китица» на 1839 г., малорос. колядки, сравненныя Эрбеномъ съ чешскими и моравскими пѣснями. Въ одномъ мѣстѣ книги г. Закревскаго напечатана довольно любопытная загадка:» Большая половина Днѣпра принадлежитъ Малороссіи, однако о немъ въ пѣсняхъ почти ни слова. Почему же часто говорится объ отдаленномъ Дунаѣ? Скажутъ, что это осталось въ воспоминаніи народа отъ древнихъ вѣременъ, когда онъ жилъ въ странахъ Дунайскихъ. Но въ то же самое время жили Славяне на берегахъ Волхова, Днѣпра, вдоль Балтійскаго моря, пожалуй до самой Даніи.. Зачтожь одинъ Дунай попалъ въ такую милость?» Мнѣ кажется, это можно объяснить во первыхъ тѣмъ, что Дунай есть самая большая изъ всѣхъ рѣкъ, на которыхъ жили древніе Славяне; оттого она и сохранилась въ памяти преимущественно предъ другими рѣками.

Въ пѣсняхъ Дунаю обкновенно придаются эпитеты *широкий* и *глубокий*; т. е. что онъ глубже и шире всѣхъ другихъ извѣстныхъ Славянамъ рѣкъ. Вторая причина можетъ быть та, что слово *дуни* или *дунай* въ древности означало рѣку вообще (*). Въ нѣкоторыхъ нашихъ пѣсняхъ слово Дунай употребляется въ послѣднемъ смыслѣ, т. е. вмѣсто рѣки вообще.

Есть польская пѣсня, въ которой употреблено выраженіе: *za gze-kami za dunajami*.

Къ пѣснямъ приложены ноты 32 мелодій, положенныя на музыку

(*) Г. Буслаевъ (Рус. Вѣстн, 1862 г. кн. 3) говоритъ: Племена, выселившіяся изъ общей родины въ Европу, вынесли съ собою общее индо-европейское имя рѣки вообще *дуни*, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ форма *дунъ* и *донъ* означаетъ рѣку или воду вообще. Дунавъ или Дунай имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное рѣки вообще (*).

(*) Слово *дунай* или *дунья* есть чисто арабское, значить—*богатство*. Оно дано Дунаю вѣроятно татарами, во время ихъ могущества,—какъ и Волгѣ, которая называлась ими *Итель*, что значить тоже *богатство* (по судоходству, по рыбѣ и проч.).

Примѣч. корректора:

самимъ издателемъ; также двѣ статьи: о движеніи мелодіи (modulation) малороссійскихъ пѣсень и о бывшемъ нѣкогда отношеніи Малой Россіи къ Польшѣ. Не понимаемъ, зачѣмъ попала сюда послѣдняя статья. Должно быть, г. Закревскимъ обуяла неудержимая страсть высказать свои задушевные убѣжденія: онъ и давай писать. Эта статья оканчивается слѣдующимъ разсужденіемъ: «Русскіе вѣнценосцы постоянно старались облегчать участь своихъ единовѣрцевъ, страдавшихъ подъ тяжкимъ игомъ Поляковъ и Турокъ; вели по этой причинѣ войны. Неужели бы государи наши стали подавать руку помощи мятежникамъ? Въ наши дни Франція, Англія и Россія приняли участіе въ горестной судьбѣ Грековъ, содѣйствовали ихъ освобожденію изъ—подъ ярма турецкаго, и область ихъ признали за самостоятельное королевство. И чтожь! Турки будутъ всегда называть ихъ мятежниками, какъ Поляки называютъ козаковъ!

«Но справедливо ли это? Императоръ Николай, котораго характеръ былъ олицетворенный порядокъ и истина, доказавшій это всему свѣту подавленіемъ мятежа Венгерскаго и Польскаго, еще разъ было обнажилъ мечъ на защиту несчастныхъ единовѣрцевъ и для вразумленія ихъ гонителей. Завистливый Западъ, боясь колосса Русскаго, подъ предлогомъ противуборства его мнимому желанію къ завоеваніямъ, воспрепятствовалъ полному достиженію великой и великодушной цѣли. По крайней мѣрѣ факты эти, опровергая собою все пристрастные и недобросовѣстные возгласы польскихъ писателей, говорятъ ясно, что русскіе цари всегда различали справедливыя жалобы и требованія угнетеннаго народа отъ мятежа, и всегда готовы подать великодушную помощь гонимымъ единовѣрцамъ своимъ... (стр. 129). Русскіе цари людей всегда почитали за людей, и подданныхъ своихъ никогда не считали хуже жида и пса, да и никогда не допускали права помѣщикамъ неограниченно расправляться съ своими крестьянами. Оттого подъ владычествомъ царей русскихъ въ Малороссіи не было никогда коливщины, да и причины нѣтъ къ ней. Вѣра одна, языкъ одинъ, законъ для всѣхъ равенъ, гоненія нѣтъ, слѣдовательно, и возстанія быть не можетъ. Если есть жалобы и неудовольствія,—на то есть суды, поставленные верховною властію, а не произволомъ вельможъ! (стр. 131). Справедливость требуетъ сказать нѣчто и о духѣ народа Русскаго. Великій князь, или удѣльный, царь, или императоръ, для Русскаго человѣка былъ всегда неприкосновенное и священное лицо. Онъ иначе и не воображаетъ себѣ царя, какъ со властію неограни-

ченною, творящаго одни только благодѣянiя. Послѣ Бога, царь для него есть первое лицо на землѣ; поэтому истинно Русскому человѣку и въ голову никогда не приходило ограничивать власть своего государя, котораго любить онъ безпредѣльно, повинуется ему безусловно и ожидаетъ отъ него только одного добра. Всѣ подданные составляютъ одно тѣло, а на этомъ колоссальномъ тѣлѣ одна голова—царь! Вотъ тайна, почему Россiя сильна и, благодаренiе Господу, наслаждается миромъ и благоденствiемъ. Мы видимъ, каково идетъ въ другихъ земляхъ!» (стр. 134). Но—довольно.

Къ пословицамъ и поговоркамъ издатель приложилъ столь же мало собственнаго труда, какъ и къ пѣснямъ. Онъ просто заимствовалъ ихъ изъ различныхъ сборниковъ, прибавивъ отъ себя только до трехъ сотъ поговорокъ и напечаталъ все это по алфавитному порядку, безъ всякихъ объясненiй. Число поговорокъ въ его собранiи 3878; изъ нихъ 2706 галицкихъ, перепечатанныхъ изъ сборника Илькевича.

Г. Закревскiй, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, хорошо знакомъ съ нѣмецкою литературою; такъ отчего бы, кажется, ему не послѣдовать примѣру нѣмцевъ и не издать нашихъ пословицъ по образцу нѣмецкихъ сборниковъ: не въ алфавитномъ порядкѣ, а по группамъ,—такимъ образомъ, чтобы каждая группа заключала въ себѣ пословицы, относящiяся къ отдѣльнымъ предметамъ и понятiямъ; напр. въ первой группѣ могли быть помѣщены пословицы религiозныя, во второй нравственныя, въ третьей мнѣологическiя и т. д. Каждую изъ этихъ группъ слѣдовало бы объяснить остальными памятниками украинской народной словесности: пѣснями, сказками, загадками, заговорами, также народными разсказами, преданiями, повѣрьями и пр. Далѣе все это должно быть объяснено научными изслѣдованiями; потому что у насъ есть много такихъ пословицъ и поговорокъ, значенiе которыхъ, по причинѣ ихъ древности, забыто самимъ народомъ. Прочитавши такой сборникъ, всякiй могъ бы составить себѣ самое полное понятiе о нашемъ народѣ, узнать бы весь кругъ его познанiй, его мировоззрѣнiе, его дурную и хорошую стороны. Наконецъ, наши пословицы должны быть сравнены съ славянскими, частью для лучшаго уясненiя смысла непонятныхъ уже пословицъ, наприм. мнѣологическихъ, а главнымъ образомъ для того, чтобы изъ подобнаго сравненiя лучше опредѣлить личность нашего народа, какъ члена великой славянской семьи: показать, что въ его духѣ, характерѣ и понятiяхъ общаго съ остальными славянами и что особеннаго, ему одному свой-

ественнаго, выработаннаго подъ вліяніемъ историческихъ и мѣстныхъ условий. Конечно, подобный трудъ не легокъ, можетъ быть даже не возможенъ для одного человѣка; все-таки г. Закревскому слѣдовало бы въ видахъ общей пользы сдѣлать хоть попытку подобнаго рода.

Опытъ подобнаго изслѣдованія мы постараемся представить въ послѣдствіи времени въ отдѣльной статьѣ, гдѣ будутъ разобраны украинскія міѳологическія пословицы, поговорки и загадки; а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о недостаткахъ изданія г. Закревскаго и объяснимъ нѣкоторыя малопонятныя пословицы изъ его сборника.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки у г. Закревскаго напечатаны не вполне, другія неправильно. Къ поговоркѣ *Не їсть панъ дякъ гусей*, должно быть прибавлено: *ажъ у ёго повна стеля кісточокъ!* Въ поговоркѣ: *У дурия до Юрѣя, а у розумного до Миколи*, пропущены слова: *стане сіна*. Поговорки: *Ні богові свѣчка, ні чортові козжухъ* и *одинъ тому часъ, що мати въ плахті*—должны быть исправлены такъ: *Ні богові свѣчка, ні чортові ожогъ, и одинъ тому часъ, що батько въ плахті*.

Первая изъ вышеприведенныхъ поговорокъ произошла отъ слѣдующаго случая. Одинъ дякъ у селѣ боялся гусей. Якъ летятъ гуси, то вінъ заразъ кричитъ: охъ, боюся гусей! и заразъ ховається въ хату. А тими часами пропадали гуси, такъ, що мусіли йти по хатахъ трусити. Отъ и почали, и вже бѣльше половины села зходили, а ніде не витрусили. Тільки йдуть поузъ дяківъ двірѣ; одни кажутъ: «нікого не минати—и дяка,» а другі кажутъ: оце-таки, коли дякъ и гусей боїтця, а тобъ ще й кравъ;—а ті таки кажутъ: «ні, ходімо таки, ходімо». Почали трусити дяка, коли у ёго у мішкахъ пірѣя і пухъ і у ряднахъ позав'язувано пірѣя, а полізли на горіще, ажъ тамъ самі кістки. Зъ того часу й пішла погудка: *не їсть панъ дякъ гусей, ажъ у ёго повна стеля кісточокъ!*

Вторая поговорка объясняется существующимъ до настоящаго времени языческимъ обычаемъ выгонять скотъ на подножный кормъ въ первый разъ 23 апрѣля, когда приходится день св. Георгія Побѣдоносца. На основаніи этого обыкновенія, хозяева беззаботные и неаккуратные не сберегаютъ сѣна дальше Юрѣева дня, а предусмотрительные запасаются на дольшее время, потому что надобность въ немъ можетъ случиться и послѣ Юрѣева дня. Въ третьей поговоркѣ слово *ожогъ*, пропущенное въ словарѣ г. Закревскаго, означаетъ кочергу (?) Четвертая—произошла отъ древняго обычая, совершаемаго на другой

день свадьбы, и состоящаго въ томъ, что отецъ новобрачной переодѣвается въ женскую одежду *плахту*.

Къ поговоркамъ: *Баране! не мути води вовкові. Воробень на себе смерти немає. Вихопився, якъ козакъ зъ маку. Грай, Петре, а все шумки. И підъ столомъ не відбрешиися. Коваль зрішивъ, а шевця повісили. Носитьця, якъ баба зъ ступіромъ. Попався, жучку, панові въ ручку. Чи опиханий, паноньку, ячмень?* прибавлено замѣчаніе, что эти поговорки заимствованы изъ сказокъ и *баёкъ*; самыя же сказки не приведены, какъ будто въ этомъ не было никакой надобности. Къ другимъ же поговоркамъ и этого не прибавлено, между тѣмъ онѣ очевидно заимствованы или изъ сказокъ и разсказовъ, или изъ обычаевъ. Таковы наприм. поговорки: *Баба зъ некла родомъ. Баба да чортъ, то собі рідня. Баба, якъ туръ. Біда біду породила, а біду чортова мати. Де чортъ не зможе, туди бабу пошле. Гарбуза найжся, а на вербу подивися, то станешъ голодний. Блискавка блисни, дамъ огірокъ. Волосъ виливати. Десь дзвінъ великий льють, що пустили таку поголоску. Жене якъ дідько вітри. За твое добро кадукъ тобі въ ребро. Земля би го святая не приняла. Зъ бабою и дідько справу програвъ, Змішався якъ Омелькова мати передъ смертю. Кашу треба зварити, бо граматку зкінчивъ. Коза зъ вовкомъ тягалася, тільки шкура зосталася. Обійшовся, якъ Сажно въ церкві. Прийшовъ хтось та взявъ щось: біти за нимъ, та незнаю за кимъ. Пирийшла якъ Уляна у лляську віру. Товчестьця, якъ Марко по неклу. Цуръ тобі, некъ тобі!* Постараемся, по мѣрѣ силъ, объяснить нѣкоторые изъ этихъ пословицъ и поговорокъ.

Баба зъ некла родомъ; баба да чортъ, то собі рідня; де дідько не зможе, туди бабу пошле; біда біду породила, а біду чортова мати. Поговорки эти древняго происхожденія. Это можно заключить изъ того, что онѣ извѣстны и другимъ народамъ: Поляки говорятъ: *Gdzie diabeł nie зможе, tam babę poszle*, Нѣмцы: *Wo der Teufel selbst nichts ausrichten kann, da schickt er seine Grossmutter* и пр. Первоначальное ихъ значеніе языческое. Предки наши, языческіе Славяне, вѣрили, что у нечистой силы есть мать или бабушка. Гейне (*) говоритъ, что по народнымъ нѣмецкимъ преданіямъ

(*) Traditions populaires Вѣ De l'Allemagne par H. Heine; Paris 1855. Т. 2-е. 110 стр.

чортова бабушка появляется иногда въ нашъ міръ, съ цѣлью исполнить разныя порученія своего сына; отсюда, по его мнѣнію, и произошла приведенная нами нѣмецкая поговорка. «Но она обыкновенно живетъ въ адѣ (баба зъ пекла родомъ) ⁽¹⁾, гдѣ или занимается приготовленіемъ пищи своему сыну, или сидитъ на своемъ красномъ креслѣ. Когда дьяволъ, утомленный послѣ дневныхъ трудовъ, возвратится вечеромъ домой, онъ съ поспѣшностью глотаетъ то, что приготовить ему его мать, потомъ кладетъ свою голову на ея колѣни, заставляя ее *сыкати въ голові* и засыпаетъ.»

Баба, якъ туръ, говорятъ о женщинахъ полныхъ и высокихъ ростомъ. Слово *туръ* существуетъ до сихъ поръ въ малороссійской рѣчи; у насъ есть еще поговорки: *крѣпкій, хочъ тѣри гони* и *у ёго натура якъ у тура*. Галичане говорятъ: *зираютьця, якъ на тура*. Въ одной малороссійской пѣсни поется:

*Ходить тура по луку,
Гнетця туръ-вілъ у дугу.*

Слово туръ означаетъ зубра (*bos urus*) ⁽²⁾. Зубръ слово греческое, а туръ латинское (*taurus*); но то и другое существуетъ въ литовскомъ языкѣ и въ славянскихъ. По литовски *tauras* и *stumbras*, или *stumbris*; по чешски *tur*, по польски *zubr*. При Владимірѣ Мономахѣ зубры водились возлѣ Чернигова, какъ видно изъ его Поученія дѣтямъ своимъ. Въ Литвѣ, еще во 2-й половинѣ XVI стол., зубры были довольно обыкновенны, однако цѣнились выше всѣхъ другихъ дикихъ и домашнихъ животныхъ ⁽³⁾. Туръ былъ символомъ ярости, силы и мужества. Волынская лѣтопись говоритъ о Романѣ Галицкомъ: храбръ же бѣ, яко и туръ. Въ краледворской рукописи сказано: Ярославъ скакалъ «*jak tur jary*».

Какъ сильны были туры, видно изъ слѣдующаго мѣста Поученія Владиміра Мономаха: Тура мя два метала на розѣхъ *и съ конемъ*. Туръ имѣлъ у насъ и мифологическое значеніе; онъ былъ символомъ Перуна ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Сабининъ бабу-агу называетъ богинею пекла или ада. Волось. стр. 18. Ж. М. Н. Пр. 1843 г. № 10.

⁽²⁾ Тождество тура и зубра доказано въ статьѣ Долматова о прирученіи и порабоженіи зубра. Современ. 1848 г. Т. XI.

⁽³⁾ Литов. стат. 1529 года, Розд. IX, ст. 2. 1588 г. Розд. X, арт. 2.

⁽⁴⁾ Черн. Губ. Вѣд. 1860 г. № 38, Дополн. къ укр. послов. и поговоркамъ.

Блискавка блисни, дамъ огірокъ. Разъ мужикъ вертався піздно до дому черезъ свій горі́дъ; нічъ була темна, хочъ око виколи, тільки коли-не-коли моргне блискавка... Іде чоловікъ и чує, що щось гомонить въ горі́ді. То бувъ циганъ; кравъ огірки у мужика... Було такъ темно, що не можна навіть й огірка наляпати; отъ циганъ и приказує до блискавки: *блискавко блисни, дамъ огірокъ...* Мужикъ тихесенько підкрався і цапъ цигана за чуприну, піймавъ і давай лущити ёму боки кіємъ; мужикъ б'є, а циганъ проситьця; далі баче, що прозьба не помага, й каже: Ну, чоловіче добрий, що хочъ зо мною роби, бий скільки хочъ, тільки змилуйся, будласко, не кидай мене черезъ пліть, бо якъ довідаютьця наші, то не приймуть мене до шатра. »А, сімъ чортівъ твоїй матері! добре, що ти мені сказавъ: заразъ тебе перекину черезъ пліть, щобъ не приймалъ такого вражого сина: тоді, може, не будешъ красти моїхъ огірківъ; тягне цигана, а циганъ ніби пручаєтьця, і проситьця, щобъ не кидавъ; але мужикъ притягъ за чуприну до плоту, й перекинувъ. Опинившись за плотомъ, циганъ уставъ и кричить: Э, дурню, дурню! на горі́ді й дурень мене піймає; піймай мене теперъ въ полі, то справді будешъ розумний!

Волосъ виливати. Волосомъ (по-в.-русеки волосатикъ) називається тонкій, какъ конскій волосъ, длиною вершковъ въ пять, червь, заводящійся въ тѣлѣ у людей и лошадей отъ дурнаго качества воды; по-персидски онъ называется риште, что значитъ нитка. Въ Архангельской губ. народъ вѣрить, что волосатики, это конскіе волосы, упавшіе въ рѣку и ожившіе тамъ. *Волосомъ* въ Таврической губ. называютъ еще особый родъ толстой, величиною въ мезинець, гусеницы, покрытой длинными черными волосками. Отъ волосатиковъ лѣчать такимъ образомъ: Каждый мѣсяць на молодикѣ отбирають тридцать (27) пшеничныхъ колосѣвъ, кладутъ ихъ на голову больному; потомъ зачерпываютъ рукой теплою воды и, выливая на голову, произносятъ заговоръ, которымъ вызываютъ волосатика выйти наружу (*). Послеъ этого, говорятъ, волосатики выходятъ на колосѣя. Впрочемъ, у насъ иногда волосатиковъ смѣшиваютъ съ волосками (волосинки), которые у иныхъ растутъ подъ рѣсницами (Trichiasis et Distichiasis), и лѣчать отъ нихъ также какъ и отъ волосатиковъ.

(*) Черн. Губ. Вѣд. 1839 № 49. Въ статьѣ «Украин. шептанья и заговѣрныя» напечатанъ подобный заговоръ.

Десь дзвінь великий лляють, що пустили таку поголоску. Эта поговорка произошла отъ обыкновенія распускать какую нибудь неправдоподобную или ложную молву въ то время, когда отливаютъ большой колоколъ, въ той увѣренности, что чѣмъ дальше пойдетъ эта молва, тѣмъ колоколъ будетъ звонче. Это объясненіе слышалъ я не въ Малороссіи, а въ Великороссіи, именно въ Москвѣ.

Жене, якъ дідько вітри. Вѣтры у насъ олицетворяются, какъ и во всѣхъ почти мифологіяхъ. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, вѣтры названы *Стрибоговыми внуками*, т. е. внуками бога вѣтровъ (*стри-вѣтеръ*). У насъ они называются *сыновьями бога вѣтровъ*; такъ по-словица говоритъ: *йоне, якъ Вітривъ Батько. Вітривъ батько* въ малороссійскихъ сказкахъ описывается сѣдымъ старикомъ, съ длинною бѣлою бородою, одѣтымъ въ бѣлую рубашку. Онъ разсылаетъ своихъ сыновей во всѣ стороны по бѣлому свѣту; къ нему приходятъ люди съ жалобою на его сыновей, за причиненныя ими разоренія ⁽¹⁾. Сыновья Вітрового Батька олицетворяются въ видѣ молодыхъ людей (*парубківъ*) съ надутыми губами ⁽²⁾. Галицкая поговорка: *Вітеръ божий духъ*, объясняетъ, что вѣтры происходятъ отъ дуновенія добраго божества. Наша поговорка: *жене, якъ дідько вітри*, позидѣйшаго проихожденія, если только въ ней подъ словомъ вітри надобно подразумѣвать обыкновенный вѣтеръ, а не бурю.

За твое добро, кадукъ тобі єъ ребро. Есть еще ругательство: *кадукъ твой матері.* *Кадукъ* по малороссійски и по бѣлорусски означаетъ сатану, или самого старшаго злаго духа. По бѣлорусскому преданію, кадукъ живетъ въ лѣсномъ болотѣ, окруженный младшими чертями, которые служатъ исполнителями его воли. Самъ онъ появляется на свѣтъ только тогда, когда кто нибудь изъ его свиты не въ состояніи исполнить даннаго ему порученія. Кадукъ, говорятъ, пятается младенцами, похищаемыми для него подчиненными духами ⁽³⁾.

Земля би го святая не приймала. Есть и другая, подходящая къ этой поговорка: *Нехай надъ нимъ земля перомъ.* Предки наши вѣрили, что душамъ умершихъ доступны всѣ ощущенія свѣта, и что они чувствовали даже тяжесть давившей ихъ земли. Въ пѣснѣ поется:

Не йди на могилу, не кидай землею,
Ссама сѣрце, знаєшъ, якъ тяжко підъ нею.

(1) Сказки, запис. Н. Костомаровымъ. Молодикъ на 1843 г.

(2) Lud Ukrainski. 1857 T. I, str. 241.

(3) Приб. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. кн. 4 Бѣлорус. народн. повѣрья, Древлянскаго.

Отъ этого вѣрованія произошла поговорка: *Нехай надъ нимъ земля перомъ!* которую говорятъ при воспоминаніи объ умершемъ. У Римлянъ на гробницахъ часто писались буквы s. t. t. l. t. e. *Sit tibi terra levis* (да будетъ надъ тобою земля легка) ⁽¹⁾. Эти же слова у Виргилія Эней произноситъ послѣ смерти Дидоны. Изъ пословицы: *Земля би го святая не приймала*, видно во первыхъ, что въ древности у насъ, какъ и у другихъ народовъ, не быть похороненнымъ считалось позоромъ и большимъ несчастьемъ; а во вторыхъ, что земля олицетворялась и считалась божествомъ. Въ одномъ заклинаніи земля называется *Титяною*, къ ней обращаются со словами: *Здорова вода Уляна и ти земля Титяна*. Дай мені уроки урочища відшептати и т. д. ⁽²⁾.

Кашу треба зварити; бо граматку зкінчивъ. Эта поговорка произошла отъ обыкновенія, по окончаніи ученикомъ букваря, варить кашу для этого ученика и его товарищей. *Горщокъ*, въ которомъ варится каша, разбивается послѣ ѣды. Въ народѣ есть обычай начинать обучать грамотѣ дѣтей со дня пророка Наума; вѣроятно для того, чтобы онъ навелъ учащагося на умъ. Это сходно съ индійскимъ обычаемъ начинать учить дѣтей въ день посвященный Ганезу, богу мудрости. ⁽³⁾

Кому ся веде, тому ся и когутъ несе; кому везетъ счастье, тому и пѣтухъ носить яйца. У великороссіянъ есть повѣрье, что пѣтухъ дѣйствительно можетъ снести яйцо. Изъ такого яйца, поистеченіи трехъ лѣтъ, рождается змѣй ⁽⁴⁾.

Прийшовъ хтось, та взявъ щось; біти за нимъ, та не знаємъ за кимъ. Это загадка, означающая вѣтеръ, а не поговорка. Она приведена и въ собраніи малороссійскихъ загадокъ Закревскаго (26), но не вполне, а только вторая ея половина.

Стрижено, а не кошено! Варіанты: *Стрижено, а не смалено!* *Стрижено а не голено!* *Кошено!* «*Ни, стрижено, таки стрижено!*» *А голено?* «*голено. А стрижено?*» «*стрижено*». Поговорки эти объясняются однимъ малороссійскимъ анекдотомъ о мужѣ и женѣ. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ онъ разъ уже былъ напечатанъ ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Описаніе Помпей. Классовскаго.

⁽²⁾ Черн. Губ. Вѣд. 1839 г. № 49 Укр. шепт. и замовл.

⁽³⁾ Нравы, и обычай памят. всѣхъ народовъ земли. шара. М. 1846 г. стр. 46.

⁽⁴⁾ Отеч. зап. 1832 LXXX Зооморфич. божества А. Афонасьева. Ст. 2-я.

⁽⁵⁾ Въ одномъ изъ №№ Чер. Губ. Вѣд. за 1839 г.

и потому еще, что онъ совершенно сходенъ съ сообщаемымъ ниже великороссійскимъ книжнымъ анекдотомъ. Въ собраніи Сербскихъ сказокъ Вука Караджича, есть слѣдующій рассказъ (т. 37). Жили мужъ и жена. Жена ни въ чемъ не слушала своего мужа, перечила ему. Однажды шли они вмѣстѣ по скошенному лугу и мужъ сказалъ женѣ: «какъ хорошо лугъ скошенъ», на что она возразила, что лугъ не скошенъ, а «постриженъ». Поднялся споръ; наконецъ жена устала къ его глазамъ пальцы и, изображая ими ножницы, кричала: стрижено! стрижено! Она не замѣтила однако позади себя ямы и, оступившись, упала въ нее. Этотъ анекдотъ находится въ Fabliau (старинная французская сказка въ стихахъ) *du grè tendu*, и послѣ того онъ перешелъ во многіе юмористическіе сборники XV и XVI столѣтій, между прочимъ въ знаменитую книгу *Le moyen de parvenir* (сравн. Liebrechts Dunlop 51с.) «Въ великорусскихъ старинныхъ сборникахъ онъ, по словамъ г. Пыпина, попадаетъ въ двухъ видахъ: въ собраніи шуточныхъ рассказовъ, переведенныхъ съ польскаго, подъ названіемъ: Смѣхотворныя повѣсти, XVII в. и въ Великомъ Зерцалѣ (№ 180, гл. 845). Въ послѣднемъ сборникѣ онъ переданъ такъ: Нѣсть гнѣва, паче гнѣва женскаго, ни жестосердія и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго. Мужъ съ женою единою иде чрезъ живу, рече: изрядно зѣло есть сія земля покошена; жена же противнымъ образомъ рече: нѣсть се покошена, но пострижена, сопротивляющися мужу много. Егда же мужъ глаголаше яко покошена, а жена глагола подстрижена. Мужъ же подвигшеся, вверже ю въ воду; егда же въ водѣ ващше не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе ножницъ являюще, яко быти пострижена, и сопротивляющися даже до смерти. Этотъ анекдотъ извѣстенъ и у великорусскаго простолюдія. Какъ объяснить то обстоятельство, что этотъ рассказъ извѣстенъ различнымъ народамъ? На это г. Пыпинъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Анекдоты о злыхъ женахъ, какъ и филиппики противъ нихъ, нерѣдки въ старой нашей письменности, и съ большою вѣроятностію можно предположить, что пропѣхуженіе упомянутой сказки было чисто книжное или вообще ненациональное: если рѣдко одинъ народъ принимаетъ отъ другаго миеологическія сказанія, то переходъ легкихъ и забавныхъ рассказовъ совершается безъ большихъ затрудненій (*)».

(*) О Рус. народ. сказкахъ. Отеч. Зап. 1836 г. № 4.

Товчетиця, якъ Марко по пеклу. По бѣлорусскимъ повѣрьямъ, какой — то Марко, о которомъ существуетъ у Бѣлоруссовъ поговорка подобная нашей, попалъ въ адъ, и надѣлалъ тамъ такой кутерьмы, что разогналъ всѣхъ чертей ⁽¹⁾ У Великороссіянъ тоже самое разсказывается объ одномъ солдатѣ. ⁽²⁾ Вѣроятно, и у насъ существуетъ подобный же разсказъ.

Два плута въ селі, і селу безчестія не роблять. Эта поговорка не наша, а русская. У насъ и слова плуть не существуетъ.

Цуръ тобі! пекъ тобі! Поговорка чрезвычайно древняя. Я спрашивалъ о ея значеніи и происхожденіи у многихъ простолюдиновъ, но никто не могъ удовлетворить моего любопытства. Наконецъ, въ Харьковѣ одинъ старосвѣтскій панъ изъ козаковъ, любящій родную старину, объяснилъ мнѣ ее такъ: Въ прежнее время, когда приходилось кого нибудь пытать, то брали палку, затесанную съ обоихъ концовъ (*цурка*), вкручивали ее въ чубъ, и, такимъ образомъ, подымая ее все выше и выше, страшно мучили. Для усиленія мукъ у ногъ разводили огонь, и *пекли* имъ. Въ подтвержденіе своего объясненія разскащикъ сказалъ, что тому, кто скажетъ вышеприведенную поговорку, отвѣчаютъ: *цурка тобі міжъ ноги!* Что подобныя пытки существовали, видно изъ сочиненія г. Снѣгирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ. Онъ одну изъ пытокъ описываетъ такъ: въ застѣнкахъ перѣдко истязуемаго поднимали на блокъ вверхъ, разводили подъ нимъ огонь, и мучили его дымомъ и жаромъ. ⁽³⁾ А. А. Метлинскій ⁽⁴⁾ эту поговорку переводитъ такъ: «оставь его, чортъ съ нимъ! Цуръ то же, что по великороссійски чуръ, и произошло отъ торъ, чортъ, шторъ; пекъ сокращенное слово пекло — адъ.» Намъ кажется неправильнымъ и это ученое объясненіе профессора, и объясненіе старосвѣтскаго пана. Первое объясненіе все таки правдоподобнѣе послѣдняго; въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, во время существованія у насъ пытокъ, народъ приурочилъ вышеприведенную поговорку къ пыткамъ. Но въ болѣе отдаленныя доисторическія времена, она имѣла совсѣмъ иное значеніе. Обратимся для ея объясненія къ помощи философіи и міеологіи. Слово *цуръ* имѣетъ корнемъ санскритскій глаголь *чуръ*, что значитъ печь, палить, жечь (по малороссійски *пекти*); отсюда и слово *цуръ* или *шуръ* (напр. въ

⁽¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Кн. 4.

⁽²⁾ Великор. народ. легенды. А. Афонясева

⁽³⁾ Рус. въ своихъ посл. М. 1831 г.

⁽⁴⁾ Думки і пісні та ще де що А. Могилы:

словѣ прашурѣ, означающее какъ *очагъ*, такъ и начальника очага, старшаго въ родѣ (въ послѣдствіи домоваго). Славяне обоготворяли главнымъ образомъ солнце, луну, звѣзды и очагъ, какъ источники благотворной и творческой силы огня (свѣта и теплоты). Въ то же время они обожали души человѣческія и въ особенности души умершихъ своихъ предковъ, родоначальниковъ. Души предковъ они представляли въ видѣ огня. Естественно, что съ теченіемъ времени эти оба понятія — понятія огня и души въ умѣ Славянина слились въ одно представленіе. Когда же они стали олицетворять свои вѣрованія, то явился «образъ домоваго, на котораго были перенесены всѣ животворныя понятія, соединяемья съ очагомъ, и всѣ качества домовитаго хозяина — патриарха, какимъ былъ старшій въ родѣ (*). Самыя названія домового, лысый дѣдыко, хозяинушко и пр. подтверждаютъ это. Теперь кажется легко понять значеніе выраженія *чуръ тобі, пекъ тобі!* буквально оно значитъ: да будетъ съ тобой чуръ (или домового) и пекъ (или очагъ)! въ переносномъ смыслѣ оно ближе всего подходитъ къ выраженію: Бюгъ съ тобой! Слово *відцурацьця*, напр. въ выраженіи: *ти відцурався відъ насъ*, означаетъ: ты отрекся отъ нашего очага, или дома.

Г. Закревскій не считалъ нужнымъ въ своемъ словарѣ объяснить многихъ словъ, которыя употребляются въ пословицахъ и поговоркахъ; наприм. *козарѣ*, *шумки*, *мусулька*, *палілі*, *язя* и др.; оттого смыслъ многихъ пословицъ дѣлается непонятнымъ. Въ его сборникѣ въ первый разъ напечатана чрезвычайно интересная поговорка о кожаныхъ деньгахъ: *То ще тоді діялося, якъ шкурні гроші на світі були.*

Считаемъ полезнымъ для лицъ занимающихся собраніемъ памятниковъ южнорусской народной словесности указать здѣсь на изданные уже сборники нашихъ пословицъ и поговорокъ и статьи, въ которыхъ онѣ были напечатаны. 1) Грамматика малороссійскаго нарѣчія, А. Павловскаго. Спб. 1818 г. стр. 78—86. 146 послов. 2) Русскіе въ своихъ пословицахъ П. Снегирева. М. 1831 г. кн. 1 стр. 104—115. 120 пословицъ. Часть ихъ перепечатана изъ грамматики Павловскаго, а другая доставлена Котляревскимъ, авторомъ Энеиды. 3) Ученыя записки профессоровъ московскаго университета 1834 г.

(*) Архивъ юридич. свѣд. о Россіи. Сборникъ Калачова. Кн. 1-я ст. Соловьева: Очеркъ правовъ и религій Славянъ во время язычества.

Ч. VI. Въ статьѣ И. Срезневскаго: Взглядъ на памятники украинской народной словесности, помѣщено на стр. 148, одиннадцать поговорокъ о Великороссіянахъ. 4) Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С. (Смирницкимъ). Харьковъ. 1834 г. 617 послов. 5) Ластівка. Сборникъ на малороссійскомъ языкѣ, изданный Е. Гребенкой. Спб. 1841. 318 стр. числомъ 90. 6) Вѣстникъ Географ. Общества, кн. 5. Въ статьѣ священ. Михѣвича: Этнографическія и статистич. свѣдѣнія объ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Каменецъ-Под. губ. на стр: 23—40 напечатано 150 пословиць. 7) Чернигов. Губернск. Вѣдомости. Пословицы, собранныя священ. П. Огіевскимъ. 8) Черниг. Губернск. Вѣдомости. 1853 г. № 38. Малороссійскія историческія пословицы и поговорки. А. Лазаревскаго. Числомъ 30. 9) Описаніе мѣстечка Олишевки. А. Шишацкаго-Иллича. Черниговъ. 1854 г. 143—151 стр. числомъ 166. 10) *Lud Ukrainski przez A. Nowosielskiego*, Wilno. 1857 г. Т. 2-й 231—262 стр. 710 пословиць. 11) Ужінюкъ рідного поля, вистачений працею Н. Куцаго. М. 1857 г. 327—353 стр. 617 послов. 12) Сборникъ малороссійскихъ пословиць и поговорокъ. Составилъ А. Шишацкій-Илличъ. Черн. 1857 г. (Изъ Черн. Губерн. Вѣд. 1857 г. № 10—16). 1403 пословицы. 13) Кіевскія Губерн. Вѣд. 1858 г. № 26. Пословицы, собранныя Григ. Кулжинскимъ. 14) Черниг. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6, 16, 18, 25. Украинскія пословицы и поговорки, собранныя П. Ефименкомъ. Тамъ же, 1859 г. № 31, 32, 33, 38 и 40. 1-е дополненіе къ укр. пословицамъ. Тамъ же, 1860 г. № 23, 24, 25 и 26. Додатокъ до украин. помовоць та погудокъ. Тамъ же, 1860 г. № 38 и 40. 3-е дополненіе; тамъ же, 1861 г. № 4-е дополненіе. Всего напечатано мною 1050 пословиць и поговорокъ. 15) Объ украинскихъ пословицахъ и поговоркахъ. А. Тицинскаго. Черн. Губ. Вѣд. 1859 г. № 29. Въ этой статьѣ указано нѣсколько ошибочныхъ объясненій пословиць въ моемъ сборникѣ и приведено нѣсколько новыхъ. 16) Черн. Губерн. Вѣдом. 1860 г. Батуринъ, мѣстечко Черн. губ. М. Исаенко. № 1—19. Здѣсь помѣщено нѣсколько сотенъ поговорокъ.* 17) Малороссъ въ анекдотахъ про него и въ произведеніяхъ народной его литературы. Омеляненко. Кіевскій Телеграфъ. 1859 г. № 12 и 14, 18) Галицкія приповідки и загадки, зібраніи Григоримъ Илькевичомъ. У Вѣдн. 1841 г. VI—124 стр. 2706 погов. 19) *Stare gawędy i obrazy*, Wojcieckiego. Въ различныхъ статьяхъ этого сборника, касающихся до Галиціи, напечатано нѣсколько десятковъ посло-

вицѣ. 20) Коляда. Мѣсяцословъ, изданный на 1853 г. Моравскою Матицею. Здѣсь напечатаны В. Дундрою пословицы и приповѣдки частью зъ баснословія Малорусиновъ. 21) Граматка. Спб. 1857. Нѣсколько десятковъ пословицъ и поговорокъ. Въ другихъ граматкахъ, напр. Гатцука, Шейковского и пр. тоже напечатаны поговорки. 22) *Grammatik der ruthenischen, oder klein-russischen Sprache in Galizien*, von Joseph Lewicky. Przemisl. 1834 г. 148 галицкихъ приповѣдокъ. 23) Перемышлянинъ. Сборникъ, издававшійся воспитанниками Перемышльскаго семинаріи, на 1853 г. Галицкія приповѣдки. На 1854 г. Продолженіе приповѣдокъ. 24) Вінокъ Русиnamъ на об-жінки. Я. Головацкаго. Вѣна. 1846 г. кн. 2-я. Въ статьѣ издателя: Поділъ часу у Русинівъ, нѣсколько десятковъ приповѣдокъ, относящихся къ праздничнымъ и хозяйственнымъ днямъ. 25) Записки русскаго географическаго общества. 1847 г. кн. 2. Объ этнографическомъ изученіи русской народности, Надеждина. На 111 стр. помѣщены галицкія приповѣдки. 26) *Archiv für wissensch. Kunde von Russland*. 1854 г. кн. XIII. Малороссійскія пословицы въ нѣмецкомъ переводѣ. Доктора Алтмана.

Весьма желательно, чтобы кто-нибудь собралъ въ одинъ сборникъ пословицы и поговорки, разбросанныя въ разныхъ поименованныхъ нами и неизвѣстныхъ намъ сборникахъ и статьяхъ.

Что касается до рукописныхъ сборниковъ пословицъ, то ихъ множество; почти у каждаго изъ нашихъ писателей-этнографовъ есть они; напр. мы знаемъ о существованіи подобныхъ сборниковъ у А. Л. Метлинскаго, А. В. Марковича Н. М. Бѣлозерскаго, О. М. Бодянскаго, и у мн. др. Изъ старинныхъ сборниковъ намъ приходилось видѣть только одинъ у покойнаго Шишацкаго-Иллича. Онъ находится въ концѣ той рукописи, въ которой помѣщены стихотворенія монаха Климентія. Эта рукопись приобрѣтена теперь В. М. Бѣлозерскимъ.

Малороссійскія загадки въ книгѣ Закревскаго перепечатаны изъ сборника А. Сементовскаго. Наши загадки были напечатаны еще С. Д. Посомъ въ 24 № Черн. Губ. Вѣд. за 1859 г., въ Полтав. Губ. Вѣд. (не помню кѣмъ и въ которомъ году), и во 2-мъ томѣ изданія Новосельскаго *Lud Ukrainski*.

Словарь малороссійскихъ идиомовъ составляетъ главный трудъ издателя Старосвѣтскаго Бандуриста, надъ которымъ онъ работалъ въ продолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Посмотримъ же какъ выполненъ имъ этотъ трудъ. Мы уже привели мнѣніе г. Закревскаго о томъ,

что малороссійскій языкъ не есть самостоятельный языкъ, а нарѣчіе языка русскаго. Слова «языкъ и нарѣчіе,» когда дѣло идетъ о малороссійскомъ языкѣ и его отношеніи къ русскому, для многихъ составляетъ камень преткновенія. Многіе господа не могутъ ясно разграничить себѣ этихъ двухъ понятій, оттого и путаются въ сужденіяхъ о малороссійскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что понятія языкъ и нарѣчіе—относительныя; языкъ есть родовое понятіе, нарѣчіе видовое. Родовое понятіе въ данномъ случаѣ есть восточно-славянскій или славяно-русскій языкъ, видовыя его понятія—нарѣчія сѣвернорусское и южнорусское. Такимъ образомъ малороссійскій языкъ относительно восточно-славянскаго—есть нарѣчіе, такъ же точно, какъ и великороссійскій языкъ; относительно же сѣвернорусскаго есть равный ему языкъ. Однимъ словомъ, южнорусскій и сѣвернорусскій языки суть вѣтви одного и того же корня славяно-русскаго, или восточно-славянскаго языка. Когда произошло это развѣтвленіе—кончателно еще не рѣшено: одни говорятъ, будто въ XIV столѣтіи, другіе утверждаютъ, что гораздо раньше.

Чтобы дать возможно полное понятіе о словарѣ г. Закревскаго, постараемся привести какъ можно больше примѣровъ его объясненій малороссійскихъ словъ. «*Бакшѣ*—града на огородѣ, негодная трава; *бакшу полоти*». Бакша въ Харьковской губ. означаетъ не гряду на огородѣ и не сорную траву, а то же, что *баштанъ* въ другихъ нашихъ губерніяхъ; выраженіе бакшу полоти значитъ выпалывать на бакшѣ сорную траву. «*Бузько*—анетъ, журавль, цапля». Какъ будто это все одно! «*Бурдюгъ*—пастушья котомка. Бурдюгомъ въ Таврической губерніи называется кожаный мѣшокъ, которымъ берутъ воду изъ глубокихъ степныхъ колодезѣй. «*Валка* привалъ, отдыхъ; *пришовъ до чумакивъ, до валки*». Валка чумацкій обозъ, а не привалъ. «*Валкъ* (Екатери́н. г.)—чумацкій обозъ.» Такого слова въ Екатери́н. губ. не существуетъ, а есть валка. «*Дра́хва* степная птица.» Во первыхъ не дра́хва, а дрохва́, во вторыхъ степныхъ птицъ множество. «*Кабѣццѣ*—малороссійское снадобѣе для варенія пищи, подвижной очагъ. «У насъ, въ Таврич. губ. кабицею называется не какое-то снадобѣе для варенія пищи, а печка, имѣющая видъ продолговатой ямы, копаемая на степи, въ которой раскладывается огонь для сваренія пищи. «*Кватира*—продолженіе непогоды.» Слово это означаетъ четверть или квадръ луны. «*Клектъ*, полетъ.» Клектъ—орлиный крикъ; въ этомъ смыслѣ слово клектъ употребляется и въ

словѣ о П. Игоревѣ. «*Личманъ* — особое состояніе людей въ простомъ быту, передовой человѣкъ (!); *такъ туди нехай веде, а самъ попередъ якъ личманъ иде.*» Что это за особое состояніе людей въ простомъ быту? Откуда г. Закревскій узналъ, что слово личманъ въ приведенномъ примѣрѣ означаетъ передоваго человѣка, прогрессиста? Личманъ въ Екатеринослав. губ. означаетъ просто старшаго *чабана*, то же что въ Таврич. губ. *отагасъ* (отъ слова ватага). Личманъ, или отагасъ обыкновенно идетъ впереди овецъ, которыя слѣдуютъ за нимъ, по его желанію; позади стада идутъ остальные пастухи. Это обычай древній, временъ кочеваго быта; онъ извѣстенъ и на востокъ, какъ видно изъ Евангелія отъ Іоан. Гл. 10, ст. 4. «И когда (пастырь) выведетъ своихъ овецъ, *идетъ передъ ними*; а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его. За чужимъ же не идутъ.» Обычай пасти козъ вмѣстѣ съ овцами столь же древній, о чемъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Евангелія отъ Матѳея (25, 32): «и соберутся предъ нимъ все народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, *какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ.*» «*Лунь його вхопивъ*» — онъ околѣлъ. Слово лунь не объяснено. *Накрытокъ* — проступокъ; честь тоді святилась дуже; накрытокъ карали. «Изъ слова накрытка, или покрывка, г. Закревскій сдѣлалъ слово накрытокъ и выдумалъ для него особое значеніе! «*Овчарка* — собака, охраняющая въ степныхъ губерніяхъ стадо овецъ.» Такого названія между Малороссіянами въ степныхъ губерніяхъ не существуетъ, а есть другое названіе — *чабанська собака*; слово же овчарка чисто русское. «*Ожина*, или *рогізъ*, *рогоза* — ситникъ (*Scirpus palustris*); *малюе брови чорною ожиною; ой у лісі білий цвітъ ожина.*» Здѣсь смѣшаны два растенія: ожина и рогізъ: второе по русски ситникъ (*Scirpus palustris*); это растеніе водяное: корень его употребляется въ пищу; первое же по русски ежевика (*Rubus*); она растетъ въ новороссійскомъ краѣ по оврагамъ, а въ Малороссіи въ лѣсахъ, какъ видно и изъ приведенныхъ, г. Закревскимъ словъ пѣсни; ягоды ея сочны, черноватаго цвѣта; — ими дѣйствительно можно намалювати брови, а ситникомъ не намалюешь. «*Паслінъ* — растеніе съ черными ягодами; дикорастущее по дворамъ. Дѣти ѣдятъ его безвредныя, но дурныя ягоды. Малороссіяне почитаютъ его бурьяномъ.» Во первыхъ ѣдятъ его не одни дѣти, но и взрослые; во вторыхъ ягоды паслина въ зеленомъ видѣ не безвредны, но довольно ядовиты; въ третьихъ для народа

эти ягоды недурныя, а составляют лакомство; ихъ даже продаютъ иногда на рынкахъ, и въ четвертыхъ Малороссіяне не называютъ этого растенія бурьяномъ. «*Рало*—плугъ, соха.» Въ Таврич. губ. ни то, ни другое; а особенное земледѣльческое орудіе, которое часто служитъ вмѣсто бороны. «*Ратиці*—нога, копыто дичины.» Копыто, но животныхъ двукопытныхъ: овецъ, свиней, козъ и пр., а не лошадей и вообще однокопытныхъ «*Сазонъ*—родъ рыбы». Не сазонъ, а сазанъ, или коронъ; такъ въ Таврич. губ. называется рыба карпъ. «*Свиріпа*—бурьянъ, негодная трава». Свиріпа, по русски сурѣпа, изъ семейства крестоносныхъ, она растетъ на пажитяхъ: въ пшеницѣ, ржи и пр. Правда, это трава сорная, но никакъ нельзя сказать негодная; потому что изъ нея добываютъ постное масло. «*Співка*—пѣсенка; *самотні співці*» Изъ слова співецъ, т. е. пѣвецъ, поэтъ, г. Закревскій сдѣлалъ слово співка! «*Табунъ* стадо дикихъ лошадей, пастухъ коихъ *табунщикъ*.» Табунъ—стадо лошадей и дикихъ и обыкновенныхъ; табунщикъ—пастухъ лошадей обыкновенныхъ: дикихъ не упасешь. «*Тхиръ*—кротъ, хорёкъ.» Кротъ и хорёкъ не одно и то же; кротъ по малороссійски крітъ, а хорёкъ—тхиръ, «*Чабаний*—выхоженный, откормленный; *мои воли чабанні*.» Слово чабаннй намъ неизвѣстно: въ Таврической губ. о волахъ говорятъ *чабанські*; это тѣ волы, которыхъ обыкновенно запрягаютъ въ чабанські *гарби* (арба), слѣдующія всегда за стадами овецъ.

Теперь станемъ продолжать наши выписки изъ словаря, не дѣлая отъ себя никакихъ замѣчаній. *Бо*—ибо; иди бо до дому! *Буца*—неустройство, бѣдствие, драка. *Буртъ*—огорода, край чего либо, костерь; *изъ трупивъ бурти насинали*. *Гава*—галка, *Гирло* водоворотъ. *Джинджуриста*—бравая. *Живиця*—бѣлая, чистая смола. *Жарнівка*—жемчужина, перлъ; *зуби якъ жарнівки*. *Зацелити серце* влюбиться. *Занапастити*—сдѣлать несчастнымъ. *Зворохнути*—встрепенуть, подать знакъ. *Змагатися*—упрямиться, сопротивляться. *Куций*—короткій. *Плавъ*—плаваніе; *люди до ёго, якъ плавъ плывуть; утінка на плаву!* *Побиля*—подобно, какъ!! *Прирва*—бездна, морской водоворотъ. *Притьмомъ* старательно, неотступно, настойчиво, совершенно. *Рожъ*—рожь, хлѣбъ. *Світъ за очі* соответствуетъ русскому: такъ и быть. *Скинѣця*—сначала!!! а починай съ кінця. *Смажній уста*—привлекательныя, горячія. *Старовати*—стараться, пешишь, начальствовать, руководить. *Стерня*—пахатное поле, на коемъ жатва снята. *Упиналися*—отказываться. *Гусаръ, Куцюрубъ, Материнка, Ой ненько*—названія разныхъ танцевъ. *Золотини*—родъ

скромнаго кушанья. *Клєсачка*—инструментъ сапожника. *Куколь-ванъ*—приманка для ловленія рыбы. *Метародъ* дѣтской игры. *Моргунъ*—родъ кушанья. *Намішованикъ*—булка особаго рода. *Обідець* родъ женскаго украшенія. *Парин*—накожная болѣзнь. *Пари*—родъ карточной игры. *Пашкетъ*—родъ кушанья. *Пашокъ*—родъ карточной игры. *Пістрячка*—родъ накожной болѣзни, *Причїлокъ*—уголь. *Пундикъ*—родъ шпрожнаго. *Разі*—земледѣльческое орудіе. *Себели*—название рыбы. *Тропакъ*, гоцакъ—родъ танца. *Гримаки* въ игрѣ дѣтей куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные. Г. Закревскій! въ словарѣ все предполагается неизвѣстнымъ, а потому должно быть объяснено обстоятельно. Неужели и это неизвѣстно Вамъ, члену общества исторіи и древностей русскіихъ?

Въ словарѣ г. Закревскаго немало и великороссійскихъ словъ, которыхъ никогда не услышите въ малорусской рѣчи, напр. *варнакъ* (соотвѣтств. нашему сибірий) *сусликъ* (по нашему оврашокъ, или хавряшокъ,) *овчарка* и т. п. Сюда же внесены слова выкованныя Н. Куцымъ: *язза* (самолюбіе,) *яззатися* (любить только себя,) *яззачь* (эгоистъ,) *усідійма* (исторія) и мн. др.

Вотъ двадцатилѣтній трудъ г. Закревскаго! Вотъ его знаніе малороссійскаго языка! И неудивительно: человекъ, какъ самъ пишетъ, съ 1829 года постоянно жилъ внѣ родины. За чѣмъ же браться за словарь, судить и рядить о языкѣ, котораго не знаешь?! По всей вѣроятности, все это дѣлалось «ради забавы, шутки, для невиннаго увеселенія и для пріятнаго препровожденія времени!»

Конечно, не всѣ слова въ словарѣ малороссійскихъ ідіомовъ объяснены такимъ образомъ, какъ вышеприведенныя. Изъ числа двѣнадцати тысячъ словъ многія переведены правильно; но это именно тѣ, которыя или сходны съ польскими (издатель знакомъ съ польскимъ языкомъ), или тѣ, которыя перепечатаны имъ изъ словарей, приложенныхъ къ разнымъ малороссійскимъ сочиненіямъ и историческимъ актамъ.

Г. Закревскій обѣщаетъ продолжать свое изданіе: въ 4-й книжѣ будутъ напечатаны имъ: 1, выборъ изъ сочиненій современныхъ писателей; 2, Статьи историческія. Извлеченія изъ грамотъ, универсаловъ, писемъ, лѣтописей, журналовъ и проч. 3, Статьи нравственнаго содержанія изъ старопечатныхъ малороссійскихъ книгъ, Книга 5. Грамматика малороссійскаго нарѣчія. Судя по первому тому Старовѣтскаго Бандуриста, трудно предполагать, чтобы изъ рукъ г. Закревскаго

вышло что нибудь путное; въ особенности сомнительно, чтобы онъ былъ въ состояніи совладать съ малороссійскою грамматикою. Впрочемъ, дай, Боже, нашому теляті вовка піймати.

П. Ефименко.

Г. Онега, Арх. г.

ОБЫЧАИ НАСЛѢДОВАНІЯ У ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

(По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ
въ 1848 и 1849 годахъ.)

Перепечатывая этотъ дорогой трудъ, составленный г. О. Барыковымъ, съ просвѣщеннымъ пониманіемъ всей важности обычнаго права, мы ограничились вступленіемъ и свѣдѣніями, касающимися южнорусскаго края, съ цѣлю вызвать отъ мѣстныхъ наблюдателей и знатоковъ нашей народности сообщеніе черезъ *Основу* своихъ замѣчаній, которыя съ такою пользою для науки и для законодательства могли бы дополнить и исправить свѣдѣнія, собранныя офиціальнымъ путемъ. Мы надѣемся преимущественно на молодыхъ людей, занимающихся этнографіей и юридическими науками. Намъ уже извѣстно, съ какимъ стараніемъ и добросовѣстностью наблюдалъ и записывалъ народные юридическіе обычаи бывшій воспитанникъ петербургскаго университета, *П. П. Чубинскій*; намъ также извѣстно, что на эту сторону народнаго быта обращали вниманіе многіе священники, судьи, слѣдователи и мировые посредники; надѣемся, что они не откажутъ подѣлиться съ нами своимъ народознаніемъ.

Было бы полезно обратить вниманіе на разность и на причины разности (гдѣ она окажется) въ обычаяхъ государственныхъ и помещичьихъ крестьянъ одной и той же мѣстности. *Ред.*

Министерство государственныхъ имуществъ, въ 1848 и 1849 годахъ, собрало свѣдѣнія о существующихъ у государственныхъ крестьянъ обычаяхъ наслѣдованія во всѣхъ 47 подвѣдомственныхъ ему гу-

берніяхъ. Поводомъ къ этому былъ возбужденный одною палатою вопросъ: имѣютъ-ли право отставные солдаты, возвращаясь на родину, требовать себѣ части наслѣдства, оставшагося послѣ ихъ родителей, которымъ воспользовались другіе ихъ родственники во время состоянія ихъ на службѣ? Такъ какъ крестьянское имущество есть трудовое достояніе членовъ семейства, а солдатъ, во время службы, въ приращеніи его не участвовалъ, то палата, не имѣя въ виду положительнаго закона, затруднилась въ разрѣшеніи этого вопроса и представила его министерству. Здѣсь мнѣнія раздѣлились. Второй Департаментъ полагалъ прямо рѣшить его по общимъ гражданскимъ законамъ, установленнымъ для всѣхъ сословій, съ тѣмъ только, что права солдата на наслѣдство ограничиваются имуществомъ, оставшимся отъ родителей, не простираясь на послѣдующее его приращеніе. Первый-же департаментъ находилъ, что, по особенному свойству крестьянскаго имущества, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго собранія свѣдѣній: какимъ образомъ раздѣлы наслѣдства совершаются въ разныхъ мѣстахъ по обычаямъ народа. Министръ графъ Киселевъ согласился съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ. По его распоряженію сперва, въ 1847 году, поручено было нѣкоторымъ палатамъ доставить свѣдѣнія: «1) какой порядокъ наслѣдованія существуетъ между государственными крестьянами, и 2) какое въ подобныхъ случаяхъ имѣютъ участіе отставные солдаты». Сообщенныя этими палатами свѣдѣнія касались большею частію только порядка производства дѣлъ по наслѣдству и недостаточно опредѣляли основанія самаго раздѣла имущества; посему министерство въ 1848 году снова отнеслось съ этими вопросами уже ко всѣмъ 47-ми палатамъ, дало имъ подробную программу и указало на тѣ обстоятельства, которыя имъ слѣдуетъ принять во вниманіе, а именно: «1) на законы о раздѣлахъ семейныхъ, которые необходимо должны имѣть вліяніе и на самые раздѣлы наслѣдства, 2) на законы объ учрежденіи опеки надъ малолѣтними, 3) на существующее между государственными крестьянами право старшаго въ семействѣ, по которому управленіе и распоряженіе хозяйствомъ переходитъ нерѣдко не къ прямому наслѣднику, а къ тому члену семейства, который, по мѣстнымъ обычаямъ, считается старшимъ въ семействѣ, и 4) на такъ называемыя награднаыя деньги, выдаваемыя отъ семействъ нижнимъ чинамъ, при поступленіи въ военную службу, и надѣляемыя имъ въ продолженіи оной пособія».

Программа вопросовъ была дана слѣдующая:

О переходѣ дома по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, въ чье завѣдываніе переходитъ домъ и хозяйство при различномъ состояніи оставшагося семейства, напримѣръ: когда остались послѣ хозяина жена, сыновья и братья его?

О раздѣлахъ имущества. 2) Всегда-ли со смертью хозяина дѣлается раздѣлъ въ имуществѣ, и какъ оно раздѣляется въ тѣхъ случаяхъ, когда семейство состоитъ изъ жены, сыновей и сестеръ замужнихъ и не замужнихъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семействѣ находятся сверхъ того братья умершаго, или ихъ вдовы и дѣти?

3) Какія части выдѣляются каждому члену семейства по различному отношенію его родства къ умершему, по оцѣнкѣ или примѣрно, и не полагается-ли при семъ случаѣ въ оцѣнку домъ?

4) Какимъ порядкомъ производится раздѣлъ: по взаимному согласію, или при участіи посредниковъ, или по опредѣленію мірскаго схода, или инымъ образомъ?

Объ отставныхъ нижнихъ чинахъ. 5) По возвращеніи нижнихъ чиновъ, получаютъ-ли они какую-либо часть наслѣдства въ тѣхъ случаяхъ, когда присоединяются къ общему родительскому дому, и въ тѣхъ, когда обзаводятся особымъ хозяйствомъ?

6) Какія части они получаютъ въ наслѣдство и отъ кого?

7) Такъ какъ послѣ поступленія члена общества въ солдаты состояніе семейства, по разнымъ обстоятельствамъ, отъ предприимчивости брата или дяди, можетъ увеличиться противу прежняго значительнымъ образомъ, то въ сихъ случаяхъ, какую часть нижніе чины получаютъ по прежнему-ли состоянію семейства, или по новому?

и 8) Чрезъ кого выдѣлъ части совершается: по обоюдному согласію, или какъ сказано въ 4-ой статьѣ?

По этой новой программѣ получены въ теченіи 1848 и 1849 годовъ отзывы всѣхъ палатъ, кромѣ Астраханской, Виленской и Воронежской. Отзывы эти разной полноты и достоинства. Нѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе, носятъ явные признаки канцелярской отписки, или, коснувшись слегка «существующихъ въ народѣ предразсудковъ и грубыхъ обычаевъ», представляютъ проекты законовъ о крестьянскомъ наслѣдованіи, клонящіеся преимущественно къ воспрещенію или затрудненію раздѣловъ, вредныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи; но большинство отзывовъ составлено довольно подробно, а многіе—съ видными добросовѣстностью и любовью къ дѣлу. Окружные начальники и палаты, разбирая тяжбы крестьянъ, утверждая приговоры схо-

довъ и рѣшенія расправъ, имѣли возможность изучить бытъ народа. Во всякомъ случаѣ, отзывы эти у насъ суть единственныя, сколько-нибудь обстоятельныя данныя объ обычаяхъ наслѣдованія у крестьянъ, и потому заслуживаютъ во многихъ отношеніяхъ полнаго вниманія. Представляемъ извлеченіе изъ этихъ отзывовъ, которому мы придаемъ видъ сборника. Въ изложеніи мы, особенно въ сомнительныхъ мѣстахъ, старались держаться какъ можно ближе къ подлинникамъ. Несмотря на неточность юридическаго языка отъ недостаточной научной подготовки собирателей, на встрѣчающіяся нерѣдко въ одномъ и томъ-же отзывѣ противорѣчія, мы не рѣшились исправлять мѣстныхъ показаній заглазно, опасаясь исказить можетъ быть непонятную школьному взгляду, но дѣйствительно существующую и простоудшно переданную собирателемъ характерическую черту какого-нибудь мѣстнаго обычая. Мы предлагаемъ нашъ сборникъ, какъ сырой матеріалъ, на общественную повѣрку и разработку на мѣстахъ. Теперь настало къ этому самое благопріятное время. Положеніями 19-го февраля, крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ, дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями (ст. 38 Общ. Полож.). Споры о наслѣдствѣ рѣшаются волостными судами на основаніи этихъ обычаевъ: рѣшенія суда записываются только въ книгу и признаются безапелляціонными. Собранія волостныхъ судовъ и книги ихъ рѣшеній открыты каждому для изученія самобытной юридической жизни народа. Особенно полезными дѣятелями въ этомъ отношеніи могли-бы быть мировые посредники и вообще члены мировыхъ учреждений: они находятся въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, но въ качествѣ простыхъ наблюдателей, безъ права административнаго вмѣшательства и ломки народнаго быта. Ихъ вниманію и повѣркѣ преимущественно поручаемъ мы настоящій сборникъ.

Признавая себѣ не по силамъ, особенно при настоящемъ положеніи собраннаго матеріала, представить основныя начала и систему крестьянскихъ обычаевъ наслѣдованія, мы позволяемъ себѣ высказать только нѣсколько общихъ замѣчаній, вынесенныхъ нами изъ доставленныхъ палатами свѣдѣній.

Нельзя не замѣтить рѣзкой разницы между порядкомъ наслѣдованія по своду законовъ и по обычаямъ крестьянъ. Независимо отъ того, что на наши законы имѣли вліяніе законодательныя теоріи и чужеземныя позаимствованія, а крестьянскіе обычаи выработались само-

бытно изъ самой народной жизни, причину этой разницы, и притомъ, — какъ намъ кажется, — главную, можно отыскать въ самомъ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи крестьянъ, которое наложило свою печать и на характеръ крестьянской семьи, и на понятіе о крестьянскомъ имуществѣ.

Крестьяне большею частію почти совсѣмъ не имѣютъ имущества, въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли его понимать. Недвижимой собственности у нихъ вовсе нѣтъ, кромѣ купленной, которая, разумѣется, встрѣчается рѣдко. Земля надѣляется имъ въ пользованіе отъ казны. При общинномъ пользованіи, она распределяется и передѣляется міромъ; при надѣленіи семейными участками, хотя и установлено наследственное пользованіе (Св. зак. Т. XII Ч. II ст. 114), но эта наследственность означаетъ только отсутствіе мірекихъ передѣловъ; семейный же участокъ признается нераздѣльнымъ имуществомъ (такъ-же ст. 115). Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ земля изъята изъ свободного частнаго распоряженія. Крестьянскія строенія, выстроенныя изъ казеннаго лѣсу, также не признаются личною собственностью крестьянъ. Остается движимость, заключающаяся большею частію въ земледѣльчихъ орудіяхъ, рабочемъ скотѣ, утвари, рѣдко въ деньгахъ; но и эта движимость обыкновенно находится лишь въ такомъ количествѣ, сколько необходимо для веденія одного хозяйства, а потому фактически не можетъ подлежать дѣлежу. Въ семейныхъ же участкахъ она, какъ необходимая принадлежность полного хозяйства, вносится, въ опредѣленномъ для каждой мѣстности количествѣ, въ *постоянную хозяйственную роспись*, и по самому закону признается нераздѣльнымъ имуществомъ и переходитъ въ полномъ составѣ къ преемнику хозяина (та же 115 ст.). Изъ этихъ средствъ крестьянская семья должна и кормиться, и справлять все свои нужды, и уплачивать подати. Подати эти, и по формѣ взиманія, и по относительной величинѣ къ чистому поземельному доходу, почти чисто личныя; особливо въ малоземельныхъ или худородныхъ мѣстностяхъ. Вообще главный факторъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ составляетъ не капиталъ, а личный трудъ.

Удовлетвореніе насущныхъ нуждъ наполняетъ собою всю жизнь крестьянина и даетъ ему особенный взглядъ на все ея отношенія. На каждый свой шагъ, каждое въ ней событіе: выборъ невѣсты, время для свадьбы, рожденіе дѣтей онъ принужденъ смотрѣть преимущественно съ экономической точки зрѣнія. Семья, по его понятіямъ, по

крайней мѣрѣ юридическимъ, есть не только личный союзъ родства, но и рабочій хозяйственный союзъ, связанный общностью средствъ, потребностей и обязательствъ; это,—если можно такъ выразиться,—кровная артель. Имущество крестьянина не есть личная его собственность, а общій хозяйственный инвентарь всей семьи, который большею частию не можетъ быть раздѣленъ безъ разстройства хозяйства и остается въ общемъ владѣніи подъ распоряженіемъ старшаго въ домѣ, а если и дѣлится, то не по родственному распорядку степеней и линій, а по мѣрѣ участія въ общемъ заработкѣ.

Изъ этого проистекаетъ и главное различіе между порядкомъ наследованія по своду законовъ и по крестьянскимъ обычаямъ. Первый основанъ исключительно на началахъ: родовомъ, семейномъ и отчасти сословномъ; во второмъ къ нимъ примѣшивается и преобладаетъ начало экономическое, артельное.

Сравнимъ тотъ и другой порядокъ въ главныхъ чертахъ.

Основные положенія о наследствѣ, по своду законовъ, слѣдующія:

Наследство есть совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго лица, т. е. его личная собственность. Оно дѣлится между наследниками и остается въ общемъ владѣніи только тогда и до тѣхъ поръ, пока всѣ наследники того желаютъ. Главное основаніе права наследованія есть родство; кромѣ родственниковъ, въ немъ участвуетъ и супругъ умершаго. Свойство не даетъ права наследства. Родственники призываются къ наследству въ порядкѣ, зависящемъ отъ близости родства. Близость родства считается по степенямъ и линіямъ. Степень есть связь одного лица съ другимъ посредствомъ рожденія, а непрерывная связь степеней есть линія. Линіи бываютъ: нисходящая, восходящая и боковая; первыя двѣ соединены между собою непрерывною связью рожденій, а боковыя—только общимъ родоначальникомъ; чѣмъ ближе общій родоначальникъ, отъ котораго расходятся линіи къ данному лицу, тѣмъ боковая линія къ нему ближе. Ближайшія линіи исключаютъ дальнѣйшія, и въ каждой линіи ближайшая степень исключаетъ дальнѣйшую; но если одно изъ лицъ, принадлежащихъ къ одинаковой степени съ другими, получающими наследство, при открытіи его не находится въ живыхъ, то мѣсто его заступаютъ его дѣти и потомки обоого пола и получаютъ всѣ вмѣстѣ ту часть, которая слѣдовала-бы ему, еслибъ онъ находился въ живыхъ. Эта называется правомъ представленія, и раздѣлъ происходитъ поколѣнно.

Въ нисходящей линіи сыновья дѣлятъ имущество послѣ родителей поголовно, а внуки, по праву представленія, поколѣнно. Дочери получаютъ каждая изъ недвижимаго имѣнія 14-ую, а изъ движимаго 8-ую часть.

Въ боковыхъ линіяхъ родовое имѣніе отца идетъ въ родъ отца, а родовое матери въ родъ матери. Сестры при братьяхъ и ихъ потомствѣ обоего пола въ боковыхъ линіяхъ не наследуютъ.

Восходящіе родственники не наследуютъ. Только послѣ бездѣтныхъ дѣтей, благопріобрѣтенныя ихъ имѣнія поступаютъ къ родителямъ въ пожизненное владѣніе, а полученныя отъ родителей возвращаются къ нимъ по принадлежности.

Супруги наследуютъ одинъ послѣ другаго въ $\frac{1}{7}$ части изъ недвижимаго и въ $\frac{1}{4}$ части изъ движимаго имущества.

Малолѣтныя во всѣхъ случаяхъ получаютъ одинаковую часть съ совершеннолѣтними; часть эта, до возраста малолѣтнихъ, поступаетъ въ вѣдѣніе ихъ опекуна.

Обратимся затѣмъ къ крестьянскимъ обычаямъ наследованія.

Крестьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящаяся въ завѣдываніи домохозяина; отдѣльной личной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ, и потому по смерти ихъ наследство не открывается. Имущество это не составляетъ также личной собственности и самого домохозяина, и потому, хотя при жизни его оно находится въ безотчетномъ его распоряженіи, но по смерти его, въ большей части губерній, оно обыкновенно не дѣлится, а, продолжая быть общимъ достояніемъ семьи, переходитъ въ хозяйственное распоряженіе его преемника. Преемника этого онъ или самъ себѣ назначаетъ—завѣщательное начало, или имъ дѣлается тотъ, кто по обычаю считается старшимъ послѣ него въ домѣ: въ однихъ мѣстностяхъ—его братъ, т. е. дядя оставшимся его сыновьямъ. — начало родовое; въ другихъ—старшій изъ сыновей умершаго, — начало семейное. Но рядомъ съ этими началами, свойственными или настоящему, или древнему нашему наследственному праву, видимъ и другія, чуждыя ему, болѣе экономическія: въ весьма многихъ мѣстностяхъ домъ и хозяйство переходятъ обыкновенно къ старшему по лѣтамъ, независимо отъ его мѣста въ родственномъ порядкѣ, вѣроятно въ томъ предположеніи, что онъ опытнѣе всѣхъ въ веденіи хозяйства; а въ иныхъ случаяхъ видимъ прямо, что члены семейства сами выбираютъ себѣ въ хозяева самаго расторопнаго и способнаго. Если по смерти хозяина въ домѣ

останутся изъ мужчинъ только малолѣтние, то хозяйство принимаетъ одинъ изъ родственниковъ изъ другого дома, и притомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не на правахъ опекуна до совершеннолѣтія питомцевъ, а остается полнымъ хозяиномъ на всю свою жизнь; по смерти же его хозяйство переходитъ не къ его дѣтямъ, а къ старшему сыну прежняго хозяина. Мѣстные собиратели даютъ и этой характеристической чертѣ опять также экономическое объясненіе: обыкновенное имущество крестьянскаго дома не составляетъ такого капитала, чтобы доходы съ него могли удовлетворять всѣ потребности семьи и оплачивать за нее подати; а потому оно не выдерживаетъ и опеки. Большую часть средствъ крестьянину приходится добывать своимъ личнымъ трудомъ; и тотъ, кто беретъ на себя главную долю этого труда за малолѣтнихъ, становится уже не опекуномъ ихъ, а полнымъ хозяиномъ. По этой причинѣ опека, какъ юридическій институтъ, вообще весьма мало развита въ крестьянскомъ быту.

Раздѣлы имущества по смерти хозяина, какъ сказано выше, въ большей части, особенно великорусскихъ губерній, составляютъ не правило, а исключеніе, бываютъ только при раздѣлахъ самой семьи, большею частію вслѣдствіе семейныхъ несогласій, охудаются обычаемъ, считаются вредными для хозяйства и требуютъ разрѣшенія схода. Въ основаніи этихъ раздѣловъ, въ многихъ мѣстностяхъ, опять видимъ сильное вліяніе экономическаго начала. Это не раздѣлъ наслѣдства, и даже не раздѣлъ общаго имущества, доставшагося по наслѣдству, а дѣлежъ общаго заработка. При составѣ дома изъ родственниковъ разныхъ степеней, имущество дѣлится не поколѣнно, а по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ. Такъ взрослые сыновья получаютъ равныя доли съ своимъ отцомъ и дядями; малолѣтній сирота племянникъ не получаетъ доли своего умершаго отца, а поступаетъ въ которую-нибудь часть раздѣляющагося семейства. Зятья и свойственники, живущіе въ домѣ, посторонніе пріемыши получаютъ такую-же часть, какъ и родственники. Словомъ, кто только участвовалъ въ общемъ заработкѣ, тотъ и получаетъ себѣ равную съ прочими долю, безъ всякаго различія родственныхъ линий и степеней. Въ иныхъ мѣстахъ пріемыши такъ и называются «дольниками». Отдѣленные отъ дома родственники, хотя бы и самыхъ близкихъ степеней, вовсе въ раздѣлъ не участвуютъ, если только остается кто-нибудь изъ членовъ того-же дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай дѣлаетъ весьма тонкое различіе между родственнымъ, чисто наслѣдственнымъ, и экономическимъ,

артельнымъ началомъ. Если дѣлится общее имущество дома послѣ хозяина, то доли назначаются по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ; если-же наслѣдство идетъ съ боку, изъ другого дома, и слѣдовательно въ приращеніи его наслѣдники не участвовали, то оно дѣлится по родственнымъ линіямъ и степенямъ.

Весьма важный вопросъ при крестьянскихъ раздѣлахъ: кто получаетъ домъ, «остается на старомъ кореню», какъ говорятъ великорусскіе крестьяне? Въ большей части мѣстностей домъ достается старшему изъ сыновей хозяина; въ нѣкоторыхъ-же, напротивъ того, младшему. Миноратъ этотъ встрѣчается преимущественно въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ старшіе сыновья, большею частію еще при жизни отца, отдѣляются и переходятъ на особые хозяйства; семья обстроиваетъ ихъ общими силами на отдѣльныхъ усадьбахъ и домохозяинъ выдѣляетъ имъ часть имущества по своему усмотрѣнію. Младшаго-же сына родители обыкновенно оставляютъ при себѣ, и по смерти отца онъ и остается въ домѣ хозяиномъ.

Лица женскаго пола, при родственникахъ мужскаго, не получаютъ определенной доли наслѣдства; онѣ остаются жить при которой-либо изъ дѣлящихся частей, а при замужествѣ награждаются приданымъ, по достатку и усмотрѣнію семьи.

Вдова определенной части изъ доли, слѣдовавшей ей мужу, въ большей части мѣстностей не получаетъ. Если у ней есть дѣти, то она всего чаще остается при нихъ въ домѣ мужеской родни; бездѣтная возвращается въ родительскій домъ; семья мужа обязана возвратить ей только приданое, если она его съ собой принесла; дать-же ей что-либо сверхъ того зависитъ вполне отъ доброй воли мужниной семьи.

Весьма характеристичны также собранныя свѣдѣнія, относящіяся въ частности до участія отставныхъ солдатъ въ наслѣдствѣ. По общимъ законамъ о наслѣдствѣ, солдатъ долженъ-бы былъ получить одинаковую долю съ прочими родственниками равной степени, за вычетомъ развѣ наградныхъ денегъ при поступленіи на службу и пособій въ продолженіи ея, если считать ихъ за выдѣлъ. При этомъ слѣдующая ему доля могла-бы быть назначена или лишь изъ того имущества, сколько осталось при открытіи наслѣдства въ смерть отца, не простираясь на послѣдующее его приращеніе, или-же изъ наличнаго состоянія имущества ко времени возвращенія солдата, такъ какъ принадлежащая ему часть тоже находилась въ обращеніи. Такъ и бы-

ваетъ по обычаямъ крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ; но въ другихъ мѣстностяхъ отставной солдатъ или вовсе не получаетъ никакой доли, или при опредѣленіи ея берется въ расчетъ состояніе имущества не въ смерть отца и не наличное, а лишь до того времени, когда солдатъ поступилъ на службу. Эта черта также имѣетъ чисто экономическій характеръ: съ выходомъ изъ артели прекращается и право на долю въ послѣдующемъ общемъ заработкѣ.

При сильномъ преобладаніи экономического элемента, обычаи населѣдства по разнымъ мѣстностямъ не представляютъ достаточно характеристическихъ признаковъ для раздѣленія ихъ на этнографическія группы; притомъ-же, собранныя палатами свѣдѣнія весьма мало касаются различія народностей и племенъ, живущихъ въ предѣлахъ одной губерніи. Тѣмъ не менѣе, не имѣя въ виду другихъ основаній для плана сборника, мы признали всего удобнѣе раздѣлить его по историко-этнографическимъ мѣстностямъ. Въ порядкѣ изложенія крестьянскихъ обычаевъ мы держимся программы вопросовъ, данной министерствомъ государственныхъ имуществъ (*).

УКРАИНА.

Кіевская губернія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина домъ и хозяйство преимущественно переходятъ въ завѣдываніе его жены; сыновья-же, состоя въ полной зависимости отъ матери, помогаютъ ей въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Братья умершаго хозяина допускаются къ завѣдыванію домомъ лишь въ качествѣ попечителей, въ томъ случаѣ, если жена по старости, а дѣти по малолѣтству, не могутъ сами распоряжаться хозяйствомъ.

Раздѣлы имущества. 2) Раздѣлъ имущества, со смертью хозяина, бываетъ не всегда. Это зависитъ: или отъ воли самого хозяина, или отъ обстоятельствъ и состоянія семейства. Въ первомъ слу-

(*) Считаетъ нужнымъ оговорить, что со времени бывшей въ западныхъ губерніяхъ люстраціи хозяйственный бытъ крестьянъ во многомъ измѣнился. Потому имѣющіяся у насъ подъ руками свѣдѣнія особенно по этимъ губерніямъ требуютъ повѣрки и исправленія. Мы просимъ объ этомъ мѣстныхъ экспертовъ.